

Алексей В. Фомин

Невидимый мир ангелов

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7143582
Невидимый мир ангелов. / Составитель. Фомин А. В.: Новая мысль; Москва; 2011
ISBN 978-5-902716-21-1

Аннотация

У каждого христианина есть Ангел-Хранитель, стремящийся влиять на него таким образом, чтобы человек избирал верные пути. Он также охраняет нас от тысячи опасностей, встречающихся нам в жизни. Ангелам известны все детали нашей жизни, поскольку они сопровождают нас от колыбели и до могилы. Чем еще мы можем объяснить чудесное вмешательство невидимых сил, сохраняющих нас от беды? Время от времени мы осознаем их благословенное присутствие, но чаще всего мы не отдаем себе отчета в том, сколь многообразно их служение нам.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
О чудесах и существовании другого мира	7
Мир невидимый	11
О творении Ангельского мира	14
Размышления об Ангелах	17
Глава 2	20
О святых ангелах	20
Время сотворения Ангелов	25
Естество Ангелов	27
Назначение Ангелов	30
Почему мы не видим Ангелов?	36
Об Ангелах-Хранителях человеческих обществ	38
Высказывания святых отцов об Ангелах	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Составитель Алексей Фомин

Невидимый мир Ангелов

НЕВИДИМЫЙ МИР АНГЕЛОВ

Чудесные явления Ангелов людям, участие Ангелов-Хранителей в жизни человека, явления и чудотворения святых Архангелов

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 10-13-1065

Полное или частичное воспроизведение настоящего издания каким-либо способом, включая электронные, механические или магнитные носители, в т. ч. фотокопирование, допускается только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Все права защищены.

Все права на издание и название защищены.

Переиздание возможно только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Интернет-сайт издательства «НОВАЯ МЫСЛЬ» www.novm.ru

Предисловие

«Мир был бы весьма беден содержанием, если бы в нем существовало только то, что человек постигает одними своими внешними чувствами. Само существование в таком мире, без прошлого и без будущего, где смерть бесцеремонно обрывает всякое творческое начинание, всякое живое стремление к добру и счастью, было бы трагическим противоречием.

Но человек способен своим разумом и духовными чувствами значительно расширить свое понятие о мире и увидеть, что, кроме физического, есть великий духовный мир. Материализм конца прошлого и начала нашего столетия высмеивал саму возможность иных форм жизни, кроме тех, которые существуют на земле. Однако благодаря быстрому прогрессу науки за последние пятьдесят лет кругозор современного человека значительно расширился. Теперь известно, что вселенная, в которой мы обитаем, хотя и велика, но не бесконечна. Само представление о мире значительно одухотворилось. Ученые поняли, что материя не представляет собой твердую, неизменную и вечную сущность, но является одним из проявлений энергии. Энергия же может принимать и другие формы, совершенно не похожие на знакомые нам атомы и молекулы. Поэтому за пределами видимого мира могут существовать другие миры, совершенно отличные от нашего. Эти открытия науки, а также межпланетные полеты породили целое движение в современной литературе и киноиндустрии, в котором затрагивается тема встреч людей с существами из других галактик и миров. Это увлечение потусторонним и необычным, к сожалению, часто переплетается с нездоровой фантазией и носит полудемонический характер. Тем не менее тяготение к расширению рамок земного существования в современном человеке очевидно.

Взамен этой фантастики, а также бредней теософов и спиритистов христианская религия дает современному человеку четкое и здоровое учение о духовном мире. Христианская вера учит, что, кроме нашего физического, есть великий ангельский мир. Ангелы, подобно людям, обладают разумом, свободной волей и чувствами, но они – бестелесные духи. Фактически человеческий мир есть только капля в море разумного бытия»¹.

«Людам нынешнего времени свойственно отвергать все. Если они отвергают бытие Бога, то неудивительно им отвергнуть и бытие Ангелов, сотворенных Богом, так как они верят только тому, что видят своими глазами. Но из того, что человек не может постигнуть своими чувствами и видеть своими глазами, нельзя заключать, что этого не существует на самом деле.

Самое же правильное познание о бытии духов и их деятельности мы можем получать из Св. Писания и из свидетельств отцов Церкви. Постоянное местопребывание Ангелов есть небо, не то небо, которое мы видим, но небо высшее, небо небес, которое видел апостол Павел»².

«Конечно, человеку не дано всецело объяснить невидимый мир Ангелов и демонов, но ему достаточно христианских знаний, чтобы понять, как эти существа действуют в нашем мире и как нам следует отвечать на их действия...»³

Предание сохранило во всех народах понятие о существовании невидимого мира, то есть о загробной жизни душ человеческих, о существовании духов – существ, подобных душе человеческой, о существовании места, в котором добродетельные души наслаждаются

¹ Александр (Миллент), епископ. Ангелы – благовестники воли Божией. Лос-Анджелес, Издательство храма Покрова Пресвятой Богородицы. Миссионерский Листок 14, 1998.

² Грузов, свящ. Загробная жизнь. Домашние вечерние беседы священника с прихожанином: о кратковременности здешней жизни, о смерти и жизни загробной вечной. М., Тип. Фаворского, 1888.

³ Серафим (Роуз), иеромонах. Православие и религия будущего. М., Русский паломник, 1995.

блаженством, а злые страдают. Предание это, сохранившись в разных формах, но у всех народов, служит свидетельством о себе самом: свидетельством, что оно принадлежит всему человечеству.

В заключение скажем: Божественное Откровение объяснило нам сотворенных духов, нашу душу, наше тело в той степени, в какой это познание нужно для нашего спасения. Как создание Божие духи, душа, самое тело наше, все предметы видимой природы остаются, в сущности, тайной для нас, будучи постижимы только отчасти. При благочестивом созерцании творений Божиих и по причине такого созерцания вступим в ряды созданий как несомненно принадлежащие к ним, прославим Создателя нашего и в недоумении пред Его всемогуществом и премудростью принесем смиренное и истинное исповедание вместе с Давидом: Чудна, Господи, дела Твоя! Страшно удивился еси! Удивися разум Твой от мене, утвердися: не возмогу к нему. «Бог наш, на небеси и на земли, вся, елика восхоте, сотвори»⁴.

⁴ Великий прокимен на вечера в Богоявление.

Глава 1

Невидимый сверхъестественный мир

О чудесах и существовании другого мира

Чудеса – абсолютно неизбежный спутник и признак сверхъестественного мира и веры в него. И обратно: если мы сомневаемся в чудесах, этим самым мы обнаруживаем лишь свое маловерие и в Бога...

Для неверующих же в Бога нет никакой высшей силы, кроме этого мира. Но в таком случае с подобными людьми следует говорить их же языком ума и естественных вещей: из незнания и непостижимости нельзя делать вывода о небытии. А кроме того, и в этом мире – множество дивного и уму непостижимого. Значит, умный человек в самом меньшем случае должен, обязан благоразумно заявить: «Не знаю, все возможно». А отрицать ничего не смеет. Но тут отрицатель может выставить такое возражение: чудеса противоречат уму нашему. Это – неправильно! Разберемся.

В логике строго различаются два термина: «противоречие» и «противоположность». Это не одно и то же. Под «противоречием» подразумевается такое положение, когда одно (А) совершенно исключает другое (В). Например, я говорю, что такая-то вещь существует, а другой говорит обратное: она не существует. Третьего положения уже быть не может: или есть, или нет – что-нибудь одно верно, а этим верным исключается другое, ложное.

Иное дело – «противоположность». Противоположными вещами называются те, которые отличаются одна от другой. Например, цвета: зеленый, красный и проч. считаются не противоречащими, а «противоположными» или просто отличными, разными. И один цвет не исключает другой: вещь может быть выкрашена и в один цвет, и в другой, и в третий.

Такое различие терминов в логике известно всякому школяру. С таким пониманием подойдем теперь к чудесам и тайнам.

Я расскажу весьма интересный случай из жизни. Ко мне, к архиерею, пришел молодой, лет 25–26, еврей, студент высшего учебного заведения, с просьбой разрешить ему креститься и сделаться христианином. Я, по долгу своему, стал спрашивать его о мотивах такого необычайного для евреев намерения. Все оказалось чисто. Тогда я спросил его о предметах веры. Знает все нужное. После всего я уже начал беседу об отношении веры и знания. Студент оказался весьма вдумчивым, серьезным. И между другими вопросами я задал ему такой:

– А не смущает ли вас, что мы, верующие христиане, допускаем множество тайн, чудес? Не кажется ли вам, что это противоречит нашему уму? Не отрицает ли это «законов мышления», к коим мы привыкли в этом мире? А если противоречит и отрицает, то не ставится ли тем самым под сомнение весь тот мир?

Недолго думая, он ответил мне так:

– Нет, это меня не пугает.

– Почему? – спрашиваю.

– Так должно быть. Там, где начинается сверхъестественный мир, на этой грани кончаются законы данного, естественного мира.

Я поразился тогда его умному ответу.

И несомненно, что он не придумал его заранее, а как глубокий человек легко понял разницу между двумя мирами. Правда, он не устранил разницы между «противоречием» и «про-

тивоположением»; но сущность суждения была совершенно правильная. Раскрою подробнее его и мои мысли об этом.

Что такое «законы»? Часто мы их воображаем какими-то нормами, будто стоящими вне бытия; а мир должен им подчиняться, как посторонним меркам. В самом же деле законы – это не что иное, как формулы бытия. Или – то же самое бытие, свойства которого путем отвлечения их от конкретных отдельных случаев возводятся в общие положения, которые и называются потом «законами». Например. Мы на опыте (а не прежде его) видим, что все известные нам материальные вещи подлежат измерению – в длину, ширину и высоту. Исключений не знаем. И тогда мы делаем общий вывод: все материальное – трехмерно. Получился «закон».

Вещи, брошенные вверх, всегда падают на землю, следовательно, есть закон «притяжения». Значит, под законами нужно, собственно, понимать просто свойства природы или отдельных творений. Еще прямее: законы – это тоже само бытие. И следовательно, не бытие, не природа зависит от «законов», а «законы» зависят от бытия или являются отвлеченными формулами его свойства.

Такое рассуждение, само по себе ясное, нужно мне для того, чтобы люди не очень пугались страшного слова «законы», а главное, для того, чтобы дальше сравнивать не законы ума с законами другими, а просто: одно бытие – с другим бытием. И тогда легче понять, что одно бытие не «противоречит» другому, а только «противопологается» ему, «различается» от него по своим свойствам («законам»). А никакое одно бытие не может никак исключить другого: цвет красный не исключает желтого, одна планета – другую, обоняние не отрицает вкуса, слух – зрения. Все это – лишь различные области. Не больше!

Для ясности припомню одну небольшую брошюру, давно попавшуюся мне: если не изменяет память, ее написал знаменитый художник Виктор Михайлович Васнецов. Автор там рассказывает про обитателей болота. А за болотом – зеленый луг, дальше – лес. По лугу ходит корова и рвет спокойно траву. лягушка – на рисунке обложки – из болота смотрит на корову и, с несомненностью, думает: у нее – как и у людей, и у птиц – кровь такая же холодная, как и у самой лягушки; да она и не знает иной крови.

Рыбы, видя, как люди и животные обходятся без воды и не задыхаются от воздуха – что бывает с ними, – в изумлении могут думать: как это возможно? Но не смея отрицать фактов, рыбки благоразумно лишь дивятся «чуду»: у них – не так!

Вот эти болотные рассуждения совершенно можно применить и к людям, дерзающим на основании одних «законов» отрицать другие – на основании одного бытия отрицать возможность иного. Мир водных обитателей – один, теплокровных – другой; да и в воде-то еще живут и теплокровные (бегемоты, киты, носороги). Это – разные миры, разные и их свойства, или законы.

Перенесем эти суждения на мир веры, на сверхъестественный порядок бытия. Торопливые отрицатели не признают его вообще или тех и иных чудес его потому, что эти явления отличаются от явлений земного порядка или, как обычно говорят, «противоречат естественным законам». А потому – думают они – тот мир нельзя и допустить; иначе просто его нет.

Таким образом, неверующие меряют другой мир мерками этого мира, к «тому» бытию прилагают законы «этого» бытия; короче, этим бытием меряют другое, а так как они оказываются несходными, то другое бытие просто отрицается как невозможное.

Рассуждение, как очевидно, совершенно болотное, но и там дело обстоит лучше. Рыбы изумляются, но людей не отрицают, хотя те живут на суше.

Ведь по такой логике – из-за непостижимости и из-за неподобия одного бытия сравнительно с другим – людям следовало бы не признавать ни рыб – ибо те живут в воде, чего не может человек; ни птиц – ибо они летают в воздухе. Однако люди таких выводов не делают. Почему? Потому что «видят» факты? Да! Это – правильно! И по отношению к миру

сверхъестественному всякий может требовать доказательств его реальности, фактичности: этот путь – законный и верный. И далее об этом будет самая серьезная речь, в ней выясним центр и путь познания. Мы же тоже хотим признавать реальное бытие, а не измышления наши. Но в том беда интеллигентных безбожников, что они раньше этого условия (реализма того мира) уже отрицают его из-за простого неподобия (или, как неверно говорят, «противоречия»). Потому и требуется нам опровергнуть это со всей решительностью борьбы против неумных и противоположных выводов.

Можно ли мерить законами этого мира тот мир? И следовательно, можно ли отрицать чуда? Абсолютно невозможно!

Послушаем хоть самые слова. Мы говорим: «тот» (а не «этот») мир, «иной» (т. е. отличный, другой) мир, «сверхъестественный» (а не естественный) мир или – «небесный» (а не земной) мир. Следовательно, с самого начала мы, верующие, утверждаем различие этих двух миров по их природе, свойствам, силам, проявлениям, или – как говорится – по законам.

Это – очевидно! Но в таком случае какое же право имеют неверующие, когда к иному миру прилагают мерки этого? Они говорят: ваш тот мир не похож на этот! Конечно, – отвечаем мы, – не похож! Мы раньше вас сами утверждали это. Но это еще не самая большая вина и ошибка ваша – а другое: из этого неподобия вы делаете неразумный вывод о небытии того мира – якобы невозможно, раз он не похож на этот, известный вам мир. Вот где ваше преступление!

И если мы говорим «иной» мир, то ясно, что у него и законы (или свойства) – иные, не противоречащие, а особые, отличные от законов этого мира. Неподобие не есть небытие. И совершенно прав тот молодой еврей, который так четко сказал: там, где начинается сверхъестественный мир, на этой грани кончаются законы естественного мира.

Для окончательного пояснения возьму очевидный пример: я живу, допустим, на первом этаже; со мной рядом храм, запах ладана проникает оттуда и ко мне. Надо мной – второй этаж, другие люди, о которых я ничего не знаю и комнаты которых я даже никогда не видел. Могу ли я сказать, что и у них пахнет ладаном или не пахнет ладаном? И вообще, что они живут так же, как и я? Это было бы неразумно. И лучше всего предположить, что там, где кончается моя комната, где устроен потолок, а для других людей – он пол, на этой грани кончается запах ладана. Правда, мой запах может проникнуть и к ним, но не обязательно. Если есть какое-либо соприкосновение моего пространства с их жилищем (через коридор и лестницу или даже через открытые окна), то ладан залетел и к ним, и тогда уже изменится и их воздух.

Это сравнение дает мне возможность ответить и на последующее возражение о чудах: может ли иной мир вмешиваться своими законами (действием) в это бытие?

Отрицатели не признают этого. Но на каком основании? Абсолютно без всякого основания. Больше этого: вопреки разумности и опыту. В самом деле, если я ничего не знаю о том мире (а не знать, как мы видели, не значит отрицать, наоборот, можно допускать), то вообще я не знаю и о его силах и возможностях. В частности, совсем не знаю, может ли он вмешиваться в этот мир и применять законы его. Чего не знаю вообще, того не знаю и в частности. Скорее нужно сказать иное: «все возможно», «ничего не смею отрицать». Это обязан говорить и неверующий.

И особенно это верующие должны сказать про сверхъестественный мир потому, что мы тот мир признаем несравненно более высшим, могущественным. А высшее может вмешиваться в низшее и изменять его явления... Запах ладана может проникнуть и на другой этаж и смешать там весь воздух.

Или другой пример. Вот недавно в Нью-Йорке было странное явление: вдруг перестали действовать телеграфные провода. Оказалось потом, что какая-то иная сила вмеша-

лась в нашу область и на время приостановила обычное действие электричества. Так и силы сверхъестественного мира могут переменить действие сил («законов») этого бытия.

И когда мы говорим о «чудесах», то предполагаем именно переменение законов одного мира вмешательством другого.

Иногда некоторые говорят, будто чудеса «сверхъестественны, но не противоестественны». Это будто красиво и умно выглядит. Но я полагаю, что и здесь еще говорит пугливость перед умом и законами природы. Верующий же человек не только не боится признать чудеса сверхъестественными, но считает их и противоестественными, т. е. «противными», отличными, несогласными с обычными законами природы явлениями. Стоять воде стеною, конечно, «противоестественно», остановиться солнцу и луне и не испепелиться – противоприродно. И если я говорил выше, что чудеса не «противоречат» «законам бытия», то это относил к законам иного бытия и вообще – к «законам мышления», а мышление мое совершенно допускает и даже необходимо требует для другого мира и других законов, совершенно отличных от наших законов, но не исключających двух разных законов!

Но если бы кто сказал вместо слова «разные», «противоречащие» – это было бы логической ошибкой терминов.

Впрочем, для более простого и неточного мышления можно допустить и употребление слова «противоречить», если под ним подразумевать понятие «несогласны, отличны, различны». И тогда про все таинственное и чудесное можно сказать, что оно «противоречит» природе и ее законам. Но только не нужно бояться ни этого слова, ни самого факта чудесности: наше мышление допускает возможность чудес, но не в этом земном мире, а в другом, и при вмешательстве его сил в силы данного порядка. Подведу итоги сказанному.

При таком ясном и правильном отношении к чудесам мы не сделаем ложного, неразумного вывода, что непостижимость их ведет к отрицанию, не позволим сказать, что неподобие двух миров, их сил и законов ведет к небытию одного из них. Наоборот, разумный человек (верующий, а равно и неверующий) должен допустить это неподобие, различие, противоположность; и тогда чудеса не только не будут пугать нас, а окажутся и допустимыми, и даже необходимыми для иного мира. Без «чудес» не может быть сверхъестественного мира.

А потому если кто-либо (хоть, для примера, Толстой) допустил веру в Бога – в какой бы то ни было степени, то тем самым, безусловно, обязан допустить и возможность «чудес». Если же он (как и Толстой), веруя, как бы то ни было, отрицает чудеса, то этим он доказывает лишь собственное недомыслие. И только! Неверующий же в самом крайнем случае должен сказать о всяких других мирах и их законах: «Не знаю». Больше того: он как ничего не знающий о них может допустить даже не один сверхъестественный мир, а любое множество их, но не смеет, по логике, отрицать и единый мир, и единое сверхъестественное явление. Поступая же иначе, он обнаружит лишь свою собственную дерзость и неразумие.

Таким путем мы убрали с пути веры еще один камень: из неподобия нельзя делать вывода о небытии чего-нибудь; поэтому чудес не бойся!

Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнении. М., 2002

Мир невидимый

Много дивных красот рассеяно перед нашими взорами щедродательной десницей Вышнего. Поля, луга, желтеющие нивы, испещренные изумрудными цветами, одетыми так, как и Соломон не одевался во всей славе своей, дремучие леса с их несмолкаемыми трелями пернатых, дикие горы, ущелья и скалы, застывшие как бы в своей величавой задумчивости, море безбрежное, синее, со своими пенящимися бурливыми волнами, тихий ручеек, мирно и нежно журчащий где-либо в зеленой долине, звонкая песнь жаворонка, уносящаяся ввысь, небо тысячеокое, звездное, все это – и в поле каждая былинка, и в небе каждая звезда, – все мироздание полно таких неизъяснимых красот, что правда, по признанию одного учителя Церкви, не выдержал бы ум, не вместило бы сердце, если бы мы, рождаясь сразу взрослыми и сознательными, вдруг увидели бы все эти красоты; правда, понятен становится и восторженный гимн Царя-псалмопевца в честь Творца всей этой красоты: «Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих» (Пс. 103, 24).

Но... что суть все эти видимые красоты в сравнении с невидимыми! Что суть эти видимые красоты, как не отблеск, как не тени от незримого очами? Есть, возлюбленные, за этим видимым нами звездным небом, есть другое небо – небо небес, куда восхищен был некогда великий апостол языков и где слышал и видел он то, «ихже око не виде и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша». Небо это также усеяно звездами, но такими, которых мы и представить теперь себе не можем, звездами, никогда не спадающими, присно сияющими, утренними звездами, как написано в Писании: «при общем ликовании утренних звезд утверждены были основания земли и положен краеугольный камень ее» (Иов 38, 76). Эти утренние звезды – Ангелы Господни.

Есть два мира – видимый и невидимый. Первый мир легко познаваем. Явления видимого мира доступны наблюдению и самому точному изучению. Поднебесные высоты, наземный мир и подземный – все это исследовано и исследуется человеческим умом. Завоевания и открытия человеческого ума в этой области поразительны.

Но уже и в этом, ясном для ума, мире есть тайны. Такой тайной является существенная сторона почти каждого явления. Мы, например, никогда не поймем, как земные соки превращаются в траву, цветы, деревья и плоды, как одни и те же соки в различных породах деревьев дают различные плоды; как в человеческом организме принятая пища превращается в кровь, мускулы, кости, нервы и т. д. Эта существенная сторона явлений видимого мира – несомненна, но таинственна и непостижима.

Если и видимый мир – таинственен, в своей сущности непостижим, то сколько глубочайших тайн ум человеческий встретит, прикоснувшись к миру невидимому! Мир невидимый, духовный прикрыт такой завесой, которую человек никогда не приподнимет. Любознательность человеческая, пылливость ума во все времена направлялась к небу, к невидимому миру, стараясь, насколько возможно, проникнуть, уяснить таинственную, но несомненную область бытия; но земной светильник – ум человека – оказывался слабым, и тусклое мерцание его не освещало необъятного, духовного мира. Мир невидимый – мир веры, мир внутреннего сердечного признания.

Сокрыт и непостижим мир веры, но у разума есть глубокие основания и есть явно наглядные факты, на которых покоится вера в невидимый мир, которыми на все времена утверждается непоколебимое признание бытия невидимого, непостижимого, но, несомненно, существующего мира.

Как в мире видимом мы хотя и не постигаем таинственной существенной стороны явлений, но признаем несомненность их бытия, так и в области невидимого мира ум чело-

века принимает как несомненную истину бытие духовного мира, хотя и не постигает его лицом к лицу. Человек признает бытие святых Ангелов, окружающих Престол Божий и непрестанно прославляющих Творца мира; Ангелов, воздействующих на человека, охраняющих его от зла, направляющих на путь добра и спасения, а с другой стороны – злых духов, виновников зла в мире.

Какие же основания для признания невидимого мира среди видимой вещественной природы? Откуда мы черпаем основания допускать, что среди видимых нами предметов в воздушном материальном пространстве, хорошо изученном и исследованном, есть еще другой, духовный мир, который мы не видим и видеть не можем? Эти основания разум приобретает, наблюдая над человеком, его духовно-телесным составом и деятельностью. Изучая самого себя, человек находит в себе душу и тело. Тело видимо и познаваемо, душа же невидима и в своей сущности непостижима. Что такое дух? В какой части тела находится душа и как она действует на тело, а тело на душу? Как окружающий материальный мир, отражаясь в теле, переходит в душу – в виде чистой мысли, чувства? Мы всего этого не знаем и не узнаем. Эта существенная сторона жизни человека так же сокрыта, как сокрыта таинственно существенная сторона явлений видимого мира.

Но наш ум стоит перед несомненным фактом – существованием души, мыслящей, познающей, чувствующей, действующей через телесные органы, через окружающую природу на людей и на мир, имеющей нематериальную природу и особые законы жизни и деятельности. Бытие этого таинственного духа настолько несомненно, что люди всех времен и мест признавали душу как жизнь самостоятельную, отдельную от тела. Если бы мы свели все мировоззрение к одному, то оно выразилось бы в следующей форме: есть душа; она находится в теле; она разумна, свободна и бессмертна.

Факт пребывания духа в теле человека, в материи, дает основание признать бытие и пребывание духовного мира и в необъятной материальной вселенной. Для человеческого ума становится совершенно ясным и вполне допустимым, что в мире материальном может невидимо пребывать духовный мир, мир существ свободных, разумных и бессмертных; а также совершенно ясным и допустимым и то, что эти невидимые духовные существа, подобно душе, могут воздействовать через окружающую материальную природу как на людей, так и на саму природу. Что такое эти духи? Где они? Как они пребывают в материальном мире? Как они живут и действуют? Эта таинственно-существенная сторона непостижима для ума человека, как она непостижима в человеке и в видимой природе; но это не отнимает у разума права признать мир невидимый, сознательный, живущий и действующий в материальном мире, ибо он признает как факт бытие души в материи, ее деятельность через материю, тело человека.

Непостижим невидимый мир в своем бытии, непостижим и способ воздействия и влияния невидимого мира на людей; но само действие есть тот явно наглядный факт, который «понуждает» ум человека признать бытие таинственного, невидимого мира и его влияние на человека. Действия эти очевидны для всех, кто хотя сколько-нибудь следит за своей внутренней жизнью, за возникающими настроениями, мыслями и чувствами.

Укажем на эти факты, на эти очевидные явления нашей душевной жизни.

Всякому человеку неоднократно случалось испытывать действие невидимых духовных сил, переживать те душевные состояния, которые вызывались добрыми Ангелами или злыми духами. Кому из нас не приходилось переживать мрачные часы греха, воспламенения страстей гнева, злобы и ярости? Бывают минуты, когда человек всецело, весь охватывается грехом; настолько поработается греху, что не в состоянии противостоять ему, да он и не хочет бороться: нет к тому ни силы, ни охоты. Грех доставляет наслаждение. Вот, например, человеком возобладало чувство мести; он весь горит от ярости, придумывает способы гибели врага, в уме видит эту гибель и... торжествует. Иной охвачен страстью, безумной,

неудержимой страстью. Услужливое воображение, рисуя картины греха, еще более воспламеняет душу нечистым огнем. Страсть усиливается, охватывает душу и тело, и человек всем своим составом опускается в бездну греховную и валяется в нравственной грязи. И сладко ему жечь себя огнями страстей; он не только не старается освободиться от этой грязи, но охотно и свободно пребывает в ней и оттолкнул бы всякую добрую мысль, так как такая мысль помешала бы наслаждаться грехом. К этому настроению присоединяется влияние товарищества и окружающей обстановки, влекущих в ту же область греха и постыдного служения страсти...

Вдруг неожиданно, мгновенно всплывет мысль, совершенно противоположная греховному настроению духа! Как блеснет молния и мгновенно осветит мрачный небосклон, так среди греховного мрака блеснет светлая, чистая, спасительная мысль. Кто бросил этот светлый луч? Кто заронил эту чистую искру в мрачную душу? Ни в мире видимом, ни в душевном настроении, ни в течении мыслей и чувств, ни в окружающей обстановке не было решительно никакого основания для возникновения чистой мысли. Какая же сила внушила эту мысль? Остается одно – допустить, что в материальном мире находятся невидимые, сродные духу нашему существа, которые и влияют на нашу душу, что добрая мысль есть воздействие Ангелов, служащих добру и ведущих человека ко спасению. И дивно! Эта ангельская мысль, это зароненное доброе чувство растет, крепнет, вытесняет грех, освежает и очищает человека. Как некогда камень, преобразовавший Спасителя, оторвался от горы, рос, вырос в гору, покрывшую мир, так чистая мысль, оторвавшаяся от невидимого чистого мира, вырастает и наполняет весь состав человека. И перед нами уже новый человек: не тот распутный, злой, грязный, а чистый, хороший, добрый, мирный человек...

Также бывает неожиданно появление дурных мыслей и чувств, когда человек переживает чистое, возвышенное настроение. Вот человек вошел в храм помолиться, искренно молится, сосредоточился на том, что слышит и видит в церкви. Слово Божие, церковное прекрасное пение, слово пастыря унесли его далеко, далеко от греховного мира и суеты, влили в него новую чистую струю жизни; и человек чувствует неизъяснимо сладостное состояние при этом святом настроении. Нечасты и потому дороги такие светлые, святые минуты! Но... вдруг в голове блеснула мысль такая грязная, черная. Откуда эта черная мысль? Беспричинных явлений не знает ни мир материальный, ни мир духовный. Действие это есть действие невидимой силы, но уже не доброй, а злой, ищущей разрушить и погубить все доброе и посеять злое, греховное.

Следовательно, есть особые основания, есть очевидно наглядные факты, на основании которых человек верует в существование невидимого, духовного мира и принимает учение о добрых и злых духах. Душа – в теле, Ангел – в мире.

Прот. Н. Колпиков. О мире невидимом – Ангелах и злых духах. Киев, 1904

О творении Ангельского мира

Единый Триипостасный Бог, обладая абсолютной полнотой всех совершенных качеств для вечной славы и блаженства в Своей исключительно Божественной жизни, мог и не создавать мир и человека. Но, будучи бесконечно благим и любвеобильным, Бог по Своему свободному изволению восхотел вызвать из небытия в бытие всю Вселенную, то есть силою Своего всемогущего слова (да будет!) создал из ничего мир и человека и с тех пор непрестанно промышляет о Своем творении.

Прежде всего Своей Божественной мыслью Бог создал из ничего мир невидимый, Силы Небесные, постоянных песнопевцев Его Божественной славы. Этот так называемый умный мир, ангельский, по данной ему благодати всегда и во всем предан Божественной воле. Самое имя – Ангел, – по учению Церкви, указывает не на природу, а на должность этих посланников Божиих, а потому в этом смысле имя Ангела в Св. Писании присваивается не только Ангелам в точном и собственном смысле этого слова, но и разным посланникам Иеговы из людей. Сам Мессия иногда называется Ангелом Завета. В Новом Завете Иоанн Предтеча называется Ангелом. Но в строгом смысле Ангелы суть разумные, духовные существа, отличные от Бога и от человека, и притом существа действительные, а не воображаемые. По природе своей Ангелы суть духи, но ограниченные. Существовало частное мнение среди учителей Древней Церкви (Иустин Мученик, Ориген), что у Ангелов есть тело – особое, тончайшее, эфирное или огненное; но это мнение не было принято всей Церковью. Если Ангелы и являются иногда в чувственных или телесных образах людям, то этот образ принимают они для явления человеку. То же самое можно сказать и о языке (речи) небесных посланников, то есть не приличествует понимать грубо, буквально и вещественно. В этом смысле понимает Св. Церковь и слова ап. Павла: «Я говорю языками человеческими и ангельскими» (1 Кор. 13, 1). Бесплотный мир ангельский представляется в Св. Писании необычайно великим по числу. Ветхозаветный Тайнозритель созерцал, как «тысяща тысяч» служила Сидящему на Престоле и как «тьмы тем предстояли Ему» (Дан. 7, 10). Новозаветный Тайнозритель видел окрест Престола Божия «тьмы тем и тысячи тысяч» (Откр. 5, 11). Однако в этом многочисленном мире ангельском существуют подразделения или степени.

Сотворив мир невидимый, Господь из ничего создал потом мир видимый или вещественный и, наконец, человека. Этот венец творения как состоящий из невидимой разумной души и вещественного тела, часто называемый малым миром, носит в себе образ видимого и невидимого мира.

Основанное на Божественном Откровении православное учение о происхождении всего, существующего вне Бога, из ничтожества или из совершенного небытия творческим актом Всемогущего Бога, трудно было понять мудрым мира сего. И древние, и новые мудрецы впадали в глубокие заблуждения в своем учении о происхождении мира. Одни из них (Гераклит, Ксенофан, Аристотель) признавали, что мир вечен, другие (индийские философы и неоплатоники) учили об истечении мира из Бога; третьи (Демокрит, Эпикур) верили, что мир образовался сам собой, в силу какого-то слепого случая, из вечного хаоса, т. е. из якобы вечно существующей массы атомов; четвертые (Анаксагор, Зенон, Платон, Сенека) утверждали, что Бог создал мир из совечной Ему материи. Никто из них не мог возвыситься до понятия о сотворении мира из ничего силой Всемогущего Бога как Первопричины всего существующего. Появлялись и во времена христианские такие вольнодумцы, которые своими более чем странными и невероятными объяснениями происхождения мира даже перещеголяли древнеязыческих мудрецов. В своем мудрствовании лукавом некоторые (например, Керинф) договорились до того, что стали учить о сотворении вещественного или

внешнего мира Ангелами из вечной материи и без ведома Бога. Еретики манихеи и офиты додумались до сотворения мира злым началом – дьяволом. В средние века павлиане и богомилы учили, что мир создан дьяволом или сатанайлом. Учение о вечной материи, из которой произошел мир (пантеизм), и учение об истечении или развитии мира из Бога (эманация мира) были осуждены Православной Церковью на основании не только Божественного Откровения, но и здравого смысла.

Идеи вечности Бога и временности мира, сотворения мира из ничего или чистого творения истинно культурные люди в наши дни постигают не только чувством, но и логикой, на которую любят ссылаться мудрецы и премудрые мира сего. Именно эта логика вдумчивого размышления никак не позволяет нам объяснять происхождение мира силой слепого случая, без всякой причины. Все в мире имеет свою причину. Бесконечный и безначальный ряд причин немислим, как немислим поток без начала. Вот разум-то наш не слепо, не интуитивно только, а и логически, без всяких скачков, честно и до конца размышляя, и доходит до признания такой Первопричины мира, которая, не будучи следствием другой причины, в Себе заключает и Свою причину всего существующего. Вот это-то Премирное, Высочайшее и Абсолютное Существо и есть Истинный Бог и Творец мира. Что легче для нас: приписать всю красоту, порядок и гармонию в мире Высшей Разумной Первопричине или же слепому случаю сцепления атомов? Что легче и успокоительнее допустить: вечность Разумной Первопричины или вечность атомов, в силу какой-то неизвестной причины когда-то пришедших в движение? Конечно, о вкусах не спорят. Пусть сторонники Канто-Лапласовской теории утешают себя тем, что «уплотнившиеся центры от неизвестного толчка (слышите? от неизвестного!) пришли в вихреобразное вращение и... образовали мир». Пусть успокаивают они свою любознательность «вечно существующей раскаленной туманностью», откуда «пошла вся вселенная», а мы, преклоняясь пред Высшей Разумной Первопричиной всей вселенной, будем радостно прославлять Присносущную Силу Его и Божество.

Нет, нам не по дороге с теми, кто уподобляет всю вселенную большому кораблю, неизвестно куда плывущему без разумного кормчего. Нам понятны и дороги те философы и ученые, которые с незапамятных времен выстрадали долгими размышлениями, во смирении, а не в гордыне своей, логическую необходимость признания Разумно-Самобытной Первопричины всего существующего, независимо от того, как называть эту Первопричину: Премудрым Разумом, как учил в V в. до Р.Х. Анаксагор; Благим Разумом (Платон), Премудрым Архитектором (Аристотель), Верховным Законодателем совести и Судией (Кант), Высочайшим Разумом (Шеллинг), Премудрой Единой Волей (Лотце) и так далее без конца. Не закружилась голова от гордыни и у великих людей науки, ибо «гордость, – по словам Амиеля, – есть граница ума». В истинном же гении с умом уживается и смирение. Не отказались от Бога ни Галилей, ни Коперник, ни Ньютон.

Напрасно сомневающиеся в бытии Божиим безбожники ждут, пока наука скажет им окончательно: есть Бог или Его нет. Науки естественные и прикладные не занимаются вопросами о Боге. Это не их специальность. В личной же своей жизни ученые так или иначе разрешают для себя этот вопрос, пользуясь здравым смыслом, красотами Божьего мира и теми выводами, которые были сделаны философами и богословами во дни расцвета богословской мысли и философии. Как известно, науки прикладные и естественные все внимание уделяют изучению уже существующего, окружающего нас мира и тех законов, которым этот мир и жизнь в нем подчиняются. Если нас, людей верующих, интересует вопрос, как образовался мир, то науку интересует, как лучше назвать, определить первобытную мировую материю или энергию, каким законам подчиняется эта материя или энергия. Именно логика и только одна логика неумолимо требует и от ученых, когда они начинают углубляться в богословско-религиозные, далеко не чуждые им размышления, что Первопричина мира есть Премудрое Начало, Личное и Сознательное. Только тогда все в мире становится

понятным и объяснимым. Ошибаются пантеисты, хотя и признающие Первопричину (Бога) в мире, но утверждающие, что эта Первопричина творила бессознательно. К такому заключению пришли пантеисты-пессимисты – Гартман и Шопенгауэр. Эти и им подобные философы говорят, что Первопричина могла бессознательно проявлять целесообразные силы в устройстве вселенной так же, как животные бессознательно выполняют целый ряд целесообразных функций. Но для здравого смысла естественнее допустить, что природа потому и действует целесообразно, хотя и бессознательно, что своим устройством с неумолимыми вложенными в нее законами она обязана Сознательной Сущности. Гораздо было бы логичней между Богом и природой провести ту же параллель, то же взаимоотношение, которое существует между человеком и созданной им бессознательной, но целесообразно работающей машиной. Если же разумно и логично признать существование личного Сознательного Бога, то вполне логично допустить и целесообразность Сверхъестественного Божественного Откровения и религии как живого союза Личного Бога с разумно-свободным, созданным Им по Образу и Подобию Божию человеком. Только в Божественном Откровении мы находим ответы на все вопросы пытливого ума человеческого, на которые не дают нам ответа ни наука, ни философия. Это из Откровения мы узнаем, что зло в мире – результат падения некоторых Ангелов и первобытного человека, вышедших из рук Творца чистыми и невинными, но через гордыню и злоупотребление своей свободной волей нарушивших первоначальную мировую гармонию. Только из Откровения мы узнаем о жизни Творца и Вседержителя – совершенно непостижимый нашей логикой догмат о Пресвятой, Единосущной, Животворящей и Нераздельной Троице или о Троическом Единстве Бога в Самом Себе.

Бог есть не только Творец, но Вседержитель и Промыслитель. Он печется о всех существах мира, а это заключается в сохранении тварей, содействии им и управлении ими. Сохранение – это такое действие Промысла Божия, когда Всемогущий содержит в бытии весь мир и все частные существа, в нем находящиеся, с их силами, законами и деятельностью. Содействие – это такое действие, которое Всеблагий проявляет по отношению к свободно-разумным тварям, помогая им, когда они свободно избирают и творят доброе. Когда же творят злое – то только попускает. Управление – это такое действие, которым Промыслитель направляет жизнь тварей к предназначенным целям, обращая иногда самые их дела к добрым последствиям. Промысл Божий, по точному смыслу Слова Божия и учению отцов Церкви, разделяется на общий, обо всем мире, и частный, о каждом частном существе. «Как может не радеть о Своей твари Тот, Кто по Своей бесконечной благодати создал мир?» – говорит Блаженный Феодорит. Всемогущему и Вездесущему Богу не стоит ни малейшего труда промыслить о Своем творении. Без Промысла Божия не было бы изумительного порядка, и мир, носимый случаем, как вихрем корабль, должен был бы превратиться в первобытный хаос и неустройство. «Будучи вызван из ничтожества, он (мир) не мог бы существовать сам собою», – говорят Афанасий Великий и Кирилл Александрийский. «Кто отвергает Промысл Божий, тот отвергает и Самого Бога», – говорят св. отцы. Хотя Промысл Божий объемлет все в мире, однако свобода духовных и разумных существ этим не нарушается и разные виды зла не делают нареkania на Мироправителя. Вот почему так называемый Деизм (философское направление, признающее Бога-Творца, но отрицающее Промысл Божий в мире), совершенно отвергается Церковью.

Профессор Г.А. Знаменский. О творении невидимого или ангельского мира. Православная Русь, № 22, 1972

Размышления об Ангелах

Существование Ангелов не подлежит сомнению для тех, кто верует в Священное Писание и своей руководительницей при его толковании признает Св. Православную Церковь. Ангелы – светлые духи, служители Бога во вселенной; они охраняют людей; они наполняют тот высший мир, который недоступен нашим несовершенным чувствам; но человеческий разум, несмотря на свою ограниченность, может ясно себе представить, что они довершают общий строй творения, насколько тайный смысл его нам понятен.

Нам известны на земле три степени развития жизни: растение, бессловесное животное и человек. При сравнении этих трех форм жизни естественно вытекает закон возрастающего перевеса единичности или личности над видом или родом. В растении существует только вид; там нет самостоятельной единичности.

У животного вид еще преобладает; оно находится под владычеством инстинкта, который не что иное, как сила вида над единичностью. Подчиненное непреодолимому закону животное не может самостоятельно взять собственного решения; отсюда проистекает отсутствие ответственности и способности к улучшению.

Переходя к человеку, мы замечаем большую разницу. Род еще силен в человеке, который обязан своим существованием родителям, что и составляет зависимость его от рода. Но закон инстинкта не имеет над ним роковой власти; человек может бороться с побуждениями природы, преодолеть их и покорить чувству нравственного долга при свете рассудка и совести. И если он может, то он должен это сделать, если же он пренебрегает этим преимуществом, он остается наравне с животным и даже превосходит его грубостью, он в наказание опускается ниже тех инстинктов, которые он должен был побороть. От возможности борьбы проистекает способность к усовершенствованию. Инстинкт – начало и временная охрана личности. Исходная точка ее развития. Если человек преодолет это препятствие действием разумной воли, перед ним открывается широкое поле нравственного развития и совершенства, личного и общественного. Не существует ли четвертой степени, возвышающейся над третьей, которая заканчивала бы общий строй творения, т. е. отдельной личности без рода? Это понятие означало бы способ существования, в котором каждое лицо было бы обязано своим бытием непосредственно творческой воле, и не есть ли это Ангел?

Такой образ бытия, есть именно тот, который Св. Писание приписывает этим таинственным существам, всегда называемым «сынами Бога», никогда сынами Ангелов. В самом точном показании Св. Писания о природе Ангелов Иисус Христос устанавливает замечательное сближение между Ангелами и прославленными верующими. Которые «и умереть уже не могут, ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения» (Лк. 20, 36). Мы можем заключить из этих слов, что тела воскресших будут им подобны и что в будущей жизни и те, и другие будут одинаково носить название сынов Божиих.

Признав, что Ангелы имеют свое определенное место в общем строе творения, можем ли мы узнать что-либо об их бытии и об их природе? Св. Церковь допускает изображение Ангелов в телесных образах, так, как они являлись людям, возвещая волю Божию, не станем, однако, воплощать их, приписывая им на самом деле крылья, но и не будем отвергать. Где находится жилище Ангелов? В небесах ли, где сияют звезды? Это объяснило бы выражение «Господа сил», имеющее как бы двойное значение, когда оно относится к «Богу светил» и к «Богу Ангелов» и подтверждается прошением в молитве Господней: «да будет воля Твоя яко на небеси». Быть может, есть сферы, которые отделены от нашей менее по расстоянию, чем по отличительным качествам. Когда Иисус Христос говорит про тех, которых Он называет «малыми», что их Ангелы видят непрестанно Бога, т. е. что они самые близкие существа к Его Престолу, мы можем полагать, что эти Ангелы не обитают над облаками, в светилах,

блистающих над землей; они и выше, и ниже этого; выше – как близко стоящие к Престолу, и ниже – как приставленные к тем «малым», которые нуждаются в их покровительстве. Небо, где они обитают не в большом расстоянии от нашей сферы; оно, быть может, проникает ее насквозь, как неосязаемый эфир проникает осязаемую природу.

О нравственной природе Ангелов мы знаем, что они существа свободные; они должны быть еще свободнее человека, который тянет за собой тяжелую цепь коллективного существования и невольной общности рода. Закон же для существа свободного – испытание; едва человек был поставлен на поприще своей будущей деятельности, он был подвержен этому закону. Возможность повиноваться или сопротивляться – вот первый дар Божий свободному существу после того, как Он дал познать ему Себя как Творца, даровавшего ему бытие и все истекающие блага. И что такое жизнь человеческая, если не ряд испытаний, после которых мы впадаем или в добровольную зависимость, или в упорное непокорство? Отдать или удержать себя, признавать с любовью нашу зависимость или горделиво ее отрицать – вот прогресс в добре или во зле, к которому нас обязывает опасное право свободы. Если Ангелы свободны, как мы, и еще более, чем мы, они не могли избегнуть условия испытания. Св. Писание не открывает нам, какого рода оно было, но сообщает о его последствиях, которые существенно отличаются от наших; у нас весь род подвергся падению, именно потому, что мы составляем род и что в таком образе существования судьба всех личностей связана общностью по естественному порядку.

Об испытании Ангелов Св. Писание упоминает, что некоторые Ангелы «не сохранили своего достоинства», что они «оставили свое жилище» (Иуд. 6), между тем как другие Ангелы названы «святыми» и «избранными». Первые отвергли начало своего существования, волю их Создателя, т. е. признали свою собственную волю основанием своих действий; они через это изверглись из области истины в область лжи, и их существование утратило основы; они не живут подобно святым Ангелам в Боге, от Которого отпали; они тоже не могут наслаждаться, подобно людям, земными благами, которые для людей грешных служат утехой в утрате истины. Они живут и действуют в пустоте, которую стараются наполнить своими лживыми представлениями; им остается за утратой Бога только борьба против истины и добра и соблазн других свободных существ стремлением увлечь их за собой. Святые Ангелы, напротив, повинувшись воле Бога, сделались сопричастниками Его власти и Его действий; они радостные деятели в той сфере вселенной, к которой каждый из них приставлен. Иисус Христос говорит, что при Его чудесах «Ангелы восходят и нисходят к Сыну Человеческому» (Ин. 1, 51). Следуя своему призванию и как означает их имя Ангелов, они вестники неба, орудия Бога; в Нем они обретают действительность своей жизни и своей деятельности.

Какое отношение имеют святые Ангелы к человечеству? С самого начала Господь восхотел соединить все человечество через Евангелие; но есть единство более обширное, чем единство одного человечества, и не менее предопределенное Богом, – это единство всех существ, составляющих мир нравственный, Царство Небесное в самом широком смысле. Союз этот должен осуществиться во втором пришествии Иисуса Христа. Испытание и падение первого человека впервые доказывает отношение между обоими мирами; сатана старался отвлечь человека от повиновения, но что могут сделать его лукавство и его победы против Вечной Премудрости?

Падение человечества послужило только к большему прославлению Промысла Божия. Через грех человеческий сатана, быть может, остался временным обладателем земли, а сколько наложил он оков! Язычество и идолопоклонство, кровавые войны, терзания смерти и в особенности грех, влекущий за собой угрызения совести, – вот явления его власти в нашем человечестве и трофеи его побед на нашей земле. Но Господь избрал поборника про-

тив «Князя мира сего» в Сыне Божиим, Который нисшел до человечества и осуществил образ полного повиновения, от Которого павший ангел и первый человек отклонились.

Какое же участие принимают святые Ангелы в деле спасения людей? Участие их и созерцательное, и действительное. В начале они возрадовались сотворению человека, потом они были помощниками пророков, которые приготавливали пришествие Спасителя; когда Иисус Христос явился, они Его окружили толпой преданных вестников, восходя и нисходя по Его повелению, как орудие Божественных действий в физическом мире, и, наконец, они первые провозгласили воскресение Иисуса Христа, так же как они возвестили Его рождение. Со времени установления Церкви они постоянно взирают на это созидание любви Божественной; они благоговейно созерцают в ней действия премудрости: «дабы сделалась известною через церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия» (Еф. 3, 10). В этом хранилище духовной жизни они созерцают различные пути, по которым Господь привлекает ко Христу сердца людей и спасает тех, которые были погибшими.

Им праздник каждый раз, когда один из грешников, который был мертв, вернулся к жизни. Созерцая, они радуются, плачут иногда и всегда прославляют Бога; наконец, они «посылаются для тех, которые имеют наследовать спасение» (Евр. 1, 14). Ибо Бог любви соединяет любовью все существа, которые Он сотворил. Его любовь – для всех: любовь всех к нему, и любовь всех ко всякому составляет славу Его царства; и поэтому Он хочет, чтобы мы помогали друг другу и чтобы отношения взаимной помощи существовали бы даже между Ангелами и людьми.

Как вид звездного неба расширяет наши понятия о физическом мире, так и вера в существование Ангелов умножает для нас беспредельность Царства Божия. Кто не почувствует также, насколько эта вера усиливает наш страх и усугубляет наше отвращение от греха? Не заставляет ли она видеть в каждом искушении нападения пагубного врага, в каждом грехе – наше соучастие, не только преступное, но и безрассудное?

Об Ангелах (Размышления христианина). СПб., 1894

Глава 2 Невидимый мир Ангелов

О святых ангелах

Ангелы... Что же они такое? Что это за существа? Много ли их? Что делают, как живут они на Небе? Бывают ли они когда-нибудь на земле у нас?

Что такое Ангелы? У всех народов во все времена вместе с врожденной мыслью о Боге всегда жила мысль и то или иное понятие и о мире ангельском. И мы хотя и не видали Ангелов телесными очами, но можем начертать их образ, можем сказать, что они за существа: в нашей душе глубоко внедрена мысль о них; мысленно каждый из нас представляет себе Ангелов.

Ангел... Не правда ли, когда мы своими устами произносим это слово, или слышим его произносимым устами других, или когда мы размышляем об Ангеле, то всякий раз это имя вызывает в нас представление о чем-то необыкновенно светлом, чистом, совершенном, святом, прекрасно-нежном, о чем-то таком, к чему невольно рвется душа, что она любит, пред чем преклоняется? И все, что ни подмечаем мы на земле святого, светлого, чистого, прекрасного и совершенного, – все это есть у нас склонность называть и обозначать именем Ангела. Смотрим мы, например, на милостивых детей, любуемся их доверчивыми глазами, их наивной улыбкой и говорим: «как Ангелы», «ангельские глаза», «ангельская улыбка». Слышим стройное, умиленное пение, звонкие, нежные голоса, прислушиваемся к их всевозможным переливам и мелодиям, то тихо-грустным и задумчивым, то восторженно-торжественным и величественным, и говорим: «Словно на небе, как Ангелы поют». Побываем ли мы в семье, члены которой живут во взаимном согласии, взаимной любви, молитве, где все носит на себе печать какой-то тихости, кротости, какого-то необыкновенного мира, где невольно душа отдыхает, – побываем в такой семье и говорим: «Живут, как Ангелы». Поразит ли наш взор какая-либо необыкновенная красота, опять скажем: «ангельская красота». И если нас попросят, если поручат нам нарисовать Ангела и если мы владеем красками, как изобразим мы его? Непременно в виде прекрасного юноши в белоснежной одежде, со светлым, ясным лицом, чистым взором, с белыми крыльями – словом, постараемся изобразить нечто привлекательное, нежное, чуждое земли и всего чувственного. И чем ярче в нашем рисунке отпечатаем мы эту отчужденность от земли, эту как бы воздушность, легкость, духовность, эту бесплотность, небесность, тем и рисунок будет совершеннее, тем больше взоров привлечет он к себе, тем яснее он будет напоминать взирающим о небожителе. Итак, вот, стало быть, что такое Ангелы, как об этом говорит нам прежде всего наше внутреннее чувство, внутреннее духовное чутье, наш внутренний непосредственный опыт.

С именем Ангела у нас связывается понятие обо всем самом для нас дорогим, святом, привлекательном, чистом, совершенном, прекрасном, неземном. Ангел преднаписуется нашему внутреннему взору как существо не от мира сего, духовное, свободное от всякой грубости и чувственности, словом, как существо небесное. И что внутреннее наше чувство говорит нам об Ангелах, быть может, не совсем ясно, смутно, то с особенной ясностью и очевидностью открывает нам слово Божие.

Слово Божие – это весть с Неба и о Небесном. И чем чаще и глубже вчитываемся мы в него, тем ближе становится к нам и мир Небесный – ангельский, тем осязательнее станем чувствовать мы его нашим сердцем, тем как бы отчетливее станут доноситься до нашего внутреннего слуха его победные песни. Как в чистой воде отражаются солнце и звездное

небо, так и в слове Божиим – этом источнике воды живой – отражается небо духовное – мир ангельский; в слове Божиим мы видим Ангелов как бы предстоящими перед нами.

По своей природе, учит нас слово Божие, Ангелы – это духи. Не все ли суть служебные духи, – говорит ап. Павел, – посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение (Евр. 1, 18). «Желаешь знать, – говорит блаж. Августин, – имя его (Ангела) природы? Это – дух. Желаешь знать его должность? Это – Ангел. По существу своему он – дух, а по деятельности – Ангел». Но Ангелы – духи, не связанные, подобно нашему духу, плотью, которая противоборует духу, пленяет его законом греховным, стесняет, обрывает его полеты к небу, тянет постоянно к земле. Ангелы – духи свободные от всякой плотяности, ее законы для них чужды. Не мучит их голод, не томит их жажда. Неведом им потому и весь труд наш упорный при снискании хлеба насущного. «Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3, 17–19). Этот грозный приговор Божественного правосудия изречен только падшему человеку, а Ангелы до конца пребыли верными Творцу своему. Терния и волчцы не растут на небе, пот не изнуряет лица ангельского. Они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, их не сушит забота о завтрашнем дне; наша борьба за хлеб, за существование, наши взаимные из-за этого распри, раздоры, войны, гнев, ненависть, зависть незнакомы духам бесплотным. Правда, они испытывают голод и чувствуют жажду, но не наш голод с болью, не нашу жажду со страданием. Их голод – никогда не перестающая потребность насыщаться сладостью созерцания красоты Божественной, сладостью познания премудрости вечной, насыщаться единым хлебом живым.

«Хлебе святой, – молится иерей словами св. Амвросия Медиоланского перед литургией, – Хлебе святой, Хлебе живой, Хлебе сладчайший. Хлебе вождение, Хлебе чистейший, всякия сладости и благовония преисполненно! Тобою питаются Ангели на небеси преизобильно; да насытится по силе своей Тобою и пришлец человек на земли!»

«Питаются Ангели на небеси преизобильно», а все хотят еще и еще насыщаться сладостью созерцания Божества. Какой высокий, поистине небесный, блаженнейший голод! Охвачены Ангелы и жаждою, но жаждою также небесной и блаженной – жаждою все более и более тесного Богообщения, проникновения Божеством, просвещения Им. Их жажда – это никогда не перестающее устремление к Богу. Малое подобие этой жажды бывает на земле. Так орел, распутивши во всю ширь могучие крылья, взвизгивает ввысь и летит, поднимается все выше... выше... туда – в глубь неба. Но как бы высоко он ни поднялся, должен вновь спускаться долу. Так бывает: наш ум в минуты наибольшего духовного напряжения, вдохновения, молитвы, властно порывая узы плоти, подобно орлу, несется к небесам, созерцает Бога, проникается Им, мыслит о Нем. Но, увь, и ум наш, непостоянный, колеблющийся, с небесных высот опять падает низу; разбивается на множество суетных мыслей, рассеивается. Не так Ангелы: их ум непрестанно, неизменно устремлен к Богу, ни на одно мгновение не отклоняется от Него, поворотов назад не ведает он. Ангелы «Твердым умом, неуклонным желанием водими суще» созерцают Божество, поет о них Церковь. «Любовию Божественною распалются» Ангелы. Распалясь даже этою любовью, разжигаясь зарею Божеского существа, от этой Божественной жажды Ангелы и сами становятся «углем богоносным», «причастием Божественного огня, якоже пламень бывает». «Во огни пламенном предстоят Тебе Херувими, Серафими, Господи!» (Октоих 3, глас 4, вторник, песнь 8).

Какая поистине Божественная, какая сладчайшая жажда! Так, в непрестанном созерцании Бога, в постоянном устремлении и возвышении к Нему, в никогда не смолкающем песнопении безмерной славы и величия Его живут на Небе Ангелы.

На пути постоянного устремления и возвышения своего к Богу не знают они никаких остановок, преград и препятствий, не знают самого главного, самого основного, самого

тяжкого на этом пути препятствия – греха, который то и дело своими узами связывает крылья нашего духа, стесняет его полет к Небу и Богу. Ангелы уже не могут грешить. Вначале они, по учению Блаженного Августина, созданы были Богом с возможностью грешить, затем неуклонным упражнением своей воли в добре они перешли в состояние возможности не грешить и, наконец, укрепившись в послушании Богу, силою Божественной благодати настолько усовершенствовались, что достигли состояния невозможности грешить.

В этом блаженнейшем святом состоянии Ангелы и пребывают донныне на Небе.

Как духи бесплотные Ангелы не знают ни нашего пространства, ни времени; наши способы передвижения, сопряженные со многими усилиями и трудностями, им неведомы. Ангелы быстролетны, быстродвижны: Ангел сейчас в одном месте, в мгновение ока – в другом; ни стен, ни дверей, ни запоров для Ангелов нет. «Они, – учит Григорий Богослов, – свободно ходят окрест великого Престола, потому что суть умы быстродвижные, пламень и Божественные духи, скоропереносящиеся по воздуху». И дверем затворенным проходят они, и видят сквозь стены, и никакая крепость, самая твердая, высокая и неприступная, не в силах сдержать их полета. На крыльях своих быстролетных неудержимо, свободно носятся Ангелы: пред шумом духа их (Дан. 14, 36), как дым, исчезает всякое пространство.

И не только сами легко так носятся Ангелы; Ангел, если приблизится к человеку, возьмет, поднимет его на крылья свои, то и для человека тогда перестает существовать уж пространство; покрытый кровом крыл ангельских, переносится он через самые отдаленные расстояния в мгновение ока.

Чудно, дивно это, други!

Нам, плотью связанным, странно, нам, отовсюду пространством скованным, непонятно, как это можно: сейчас находиться здесь и в какую-либо секунду перенестись через сотни, тысячи, десятки тысяч, миллионы верст и очутиться сразу в другом месте, в иной стране, среди других людей, услышать чужой язык, увидеть другую природу. Странно, но не настолько, чтобы мы совершенно не могли вместить такой быстродвижности в уме своем; непонятно, но не настолько, чтобы быстродвижность такая стояла в прямом противоречии нашему уму. Человек, умаленный, по Слову Божию, пред Ангелами (Пс. 8, 6), в себе самом носит возможность ангельской быстродвижности. В самом деле, разве, скажите, не быстро движется дух наш, разве не быстролетна мысль наша? Для мысли, для духа нашего также, ведь нет никаких преград и препятствий. В мгновение ока мыслию можем мы перенестись через самые громадные расстояния, в мгновение ока духом можем побывать в различных местах. А это все более и более усиливающееся теперь, стремление покорить, победить пространство, прорезать его всевозможными, самыми скороходными машинами, эта все более и более возрастающая жажда оторваться от земли и на вновь изобретенных воздушных кораблях, как на крыльях, унести туда... высоко-высоко, где небо голубое, – о чем все это говорит, как не о том, что человек воистину «малым чим умален от Ангелов», что его дух быстродвижен, его мысль быстролетна, что по духу, по мысли, человек – Ангел и так же не связан пространством.

Увы, грех, живущий в нас, и на это стремление человека к ангельской быстролетности налагает свою тяжелую печать! Ангельскую быстролетность нашей мысли грех отравляет своим смертоносным и губительным ядом: человек с быстротой молнии пробегает целые пространства, переплывает моря с тем, чтобы как можно скорее нести с собою пагубу и гибель; человек, как птица, взвивается ввысь и с этой высоты бросает вниз ужасные разрушительные снаряды.

О, братья дорогие, будем молиться, чтобы заложенная в нашем духе, в нашей мысли ангельская быстролетность все глубже и глубже прорезывала бы и рассекала окружающее нас пространство греха, станем работать над собою, чтобы наш дух, быстродвижный, как Ангел, воспарял к Богу, уносился бы чаще к горнему, ангельскому миру!

Как духи бесплотные Ангелы, видели мы, не знают пространства. Не ведают они и времени нашего. На Небе нет ни нашего вчера, ни сегодня, ни завтра, или, лучше, там есть только сегодня, днесь, приснобытие; не знают Ангелы ни наших дней, ни ночей, ни минут, ни часов; нет в их царстве ни зимы, ни весны, ни лета, ни осени, или, лучше, есть там только одна весна, светлая, радостная; среди Ангелов – всегдашняя Пасха, непрестанный праздник, веселие вечное, Ангелы, по слову Спасителя, умереть уже не могут (Лк. 20, 86). Разверстая, мрачная могила, могильные плиты и памятники не смущают взора ангельского, надгробные скорбные песни не тревожат их слуха, наше последнее, душу раздирающее «прости» не знакомо им, горечь разлуки не снедает их сердца, смерть тлетворным дыханием своим не искажает, не обезображивает красоты ангельской.

Жизнь, други, одна только жизнь жительствоует на Небе, вечная, блаженная жизнь с Богом и в Боге – в Нем жизнь (Ин. 1, 4). Видали мы море широкое, безбрежное... глядишь, и конца нет ему, мысль теряется, как песчинка, как пылинка какая в необъятности его. Так вот и жизнь ангельская: безбрежна она, конца ей нет и меры нет. Мы с каждым днем все слабеем, стареем, дряхлеем, Ангелы же с каждым приближением к Богу все более и более юнеют, восходят от силы в силу, от совершенства к совершенству.

О Ангелы Божии, какая тихость благодатная, какая услада в душе от одного лишь созерцания вашей жизни блаженной! С горних высот дайте хоть каплю одну этой жизни в сердца наши!

А сердце наше, дорогие братья, так устроено, что имеет способность воспринимать, ощущать, на земле еще предвкушать жизнь ангельскую. Вы знаете: Ангелы потому не ведают времени и всего, соединенного со временем: постепенного увядания, старости, смерти – потому что они живут в Боге. И человек, когда живет в Боге, входя с ним в теснейшее общение через молитву, также перестает считаться со временем, переходит часто за грань его, приближается к порогу вечности. Время становится для него незаметным, он, как говорится, не замечает времени. Пройдет много часов, а ему кажется, что едва-едва успело пройти несколько минут. Так сладко беседовать с Богом! «Бог, – говорит св. Иоанн Дамаскин, – в Себе Самом заключает всецелое бытие, как бы некоторое беспредельное и безграничное море сущности». И кто входит в это море, кто погружается в неисследимые глубины его – для того в глубинах этих исчезают минуты, часы – все время, и остается одна только вечность, и в вечности – вечный Бог.

Недалеко от Троице-Сергиевой Лавры есть скит Гефсиманский. В этом скиту подвизался в затворе старец, иеросхимонах Александр (†9 февр. 1878 г.), неустанный делатель умносердечной молитвы Иисусовой. Рассказывает про этого старца бывший ученик и келейник его, теперь маститый игумен, сам мудрый старец и испытанный учитель в духовной жизни: «Бывало, пойдешь ко всенощной и зайдешь к старцу, отцу Александру, он сядет при мне на стул; уйдешь ко всенощной, и, по окончании службы, опять зайдешь к старцу, а старец все сидит на том же месте с молитвою. Услыша шум, он поднимет голову и, увидя меня, как бы удивится и спросит: «Неужели всенощная отошла? Мне думалось, что я только что сел, а времени прошло уже четыре часа, за молитвой Иисусовой времени не вижу, оно течет так скоро, как будто бы летит».

Если здесь, на земле, в царстве смерти и времени, человек в беседе с Богом совершенно забывает время, выходит из его каскадного водоворота, то понятно вам, возлюбленные, почему на Небе, в царстве жизни вечной, нет и совсем не может быть времени? Там у Ангелов одно только в мысли, одно в сердце – Бог вечный. А «вечность, – любомудрствует св. Григорий Богослов, – есть такое продолжение, которое простирается наравне с вечным, не делится на части, не измеряется каким-либо движением, ни течением солнца... вечность не есть ни время, ни часть времени – она неизмерима».

Неизмеримая, безграничная заповедь дана и нам с вами, други: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48).

Поддерживаемые десницею Божией, встаньте твердо, неуклонно на этот путь духовного возрастания и совершенствования во Христе Иисусе, и вы уподобитесь Ангелам – всей душой почувствуете, как перед вами начинает исчезать время, дни, недели, месяцы, годы, и перед взором вашим во всем величии своем и необъятности, как перед Ангелами, будет разворачиваться вечность, вечность... вечность...

Много ли Ангелов? Можно ли исчислить их? Нет. Неизмеримо блаженство Ангелов, неизмеримо и число их. Они окружают Престол Божий тьмами тем и тысячами тысяч. «Видел я, – повествует пророк Даниил, – вот поставлены были престолы и воссел Ветхий деньми⁵... Огненная река выходила и проводила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним» (Дан. 7, 9–10). А пастыри Вифлеемские в святую Рождественскую ночь видели многочисленное воинство небесное, которое воспевало:

«Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк. 2, 14). Когда Господь Иисус Христос взят был в саду Гефсиманском, и апостол Петр, в защиту Учителя своего, извлек меч свой, ударив раба первосвященникова, Господь сказал Петру: «Возврати меч твой в его место... или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более нежели двенадцать легионов Ангелов» (Мф. 26, 52). Легионы Ангелов... Многочисленное воинство... Тьмы тем и тысячи тысяч... Видите, как слово Божие исчисляет Ангелов: всем этим оно хочет сказать нам: мир ангельский – необъятный. Вот почему в слове Божиим и сравниваются Ангелы со звездами (Иов 38, 7). Звездами можно любоваться, можно, взирая на них, прославлять Творца, но счесть их нельзя; так и Ангелов: можно им молиться, можно воспевать их, но сказать, сколько их, нельзя. Так велик, так необъятен ангельский мир! И какой порядок, какая дивная гармония, стройность и мир царят в ангельском мире при всей его необъятности!

Еп. Серафим (Звездинский). Ангелы. М., 2001

⁵ Термин этот употреблен пророком Даниилом при описании одного из его таинственных видений в Вавилоне: «видел я наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий деньми; одеяние на Нем было бело как снег и волосы главы Его – как чистая волна; престол Его – как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь» (Дан. 7, 9). Под символом глубокого старца здесь понимается Бог для наглядного выражения Его иконно-вечного бытия. Это описание легло в основу христианского искусства при изображении Бога-Отца в отличие от Бога-Сына.

Время сотворения Ангелов

Когда Ангелы сотворены Богом? В Св. Писании с полной ясностью это не указано. Древними учителями Церкви поэтому были высказаны неодинаковые мнения по этому вопросу. Православной Церковью принято мнение, что Ангелы сотворены Богом прежде всех других тварей. И вообще мир духовный прежде мира вещественного.

В Св. Писании некоторое основание для такого мнения можно находить в словах Бога к Иову: «На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее, при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости?» (Иов 38, 6–7).

Здесь, во-первых, под положением краеугольного камня нельзя понимать что-либо иное, кроме положения основания земли, устройства первых начал ее, а следовательно, и под утренними звездами нельзя понимать звезды видимого мира, которых еще не было при основании земли, а нужно понимать разумные существа, или Ангелов, которые названы утренними звездами потому, что составляют первое создание Божие, предшествовавшее, подобно утренним звездам видимого мира, дню стройного бытия вселенной. Во-вторых, под именем сынов Божиих, о которых говорится здесь, также нельзя понимать кого-либо другого, кроме Ангелов Божиих; так они названы выше в той же Книге Иова дважды (1, 6; 2, 1); людей же, которые также иногда именуются в Писании сынами Божиими, в то время еще не было.

Таким образом, Ангелы хвалили Бога уже тогда, когда полагались основания земли. Отсюда можно выводить, что творение Ангелов предшествовало образованию мира вещественного.

Мнение о сотворении Ангелов прежде мира вещественного было господствующим и в древней церкви. Особенно замечательно выражение этого мнения у св. Григория Богослова. «Так как для Благодати недовольно было, – говорит он, – упражняться только в созерцании Себя Самой, а надлежало, чтобы благо разливалось, шло далее и далее, чтобы благодетельствованных было как можно больше (ибо сие свойство высочайшей Благодати), то Бог измышляет, во-первых, ангельские и Небесные Силы. И мысль стала делом, которое исполнено Словом и совершено Духом. Так произошли вторые светлости... сотворен Богом умный мир... Поелику же первые твари были Ему благоугодны, то измышляет другой мир – вещественный и видимый; и это есть стройный состав неба, земли, и того, что между ними» (Слово 38). Св. И. Дамаскин, принимая мнение Григория Богослова о времени творения Ангелов, добавляет: «я соглашаюсь с Богословом: ибо приличнее было сперва сотворить умную сущность, потом чувственную, и после уже из той и другой сущности человека» (Точн. изл. в. 2, 3).

Точных указаний относительно времени сотворения Ангелов Св. Писание не дает. В святоотеческих текстах мы встречаем по крайней мере три мнения относительно происхождения Ангелов.

Согласно первому, Ангелы сотворены прежде вещественного мира. Это мнение наиболее широко распространено и вошло в Катихизисы. Его разделяли сщмч. Ириной Лионский, Евсевий Кесарийский, свт. Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Епифаний Кипрский.

Другие отцы – такие как Феодорит Кирский и Геннадий Массальский – считали, что Ангелы сотворены одновременно с сотворением видимого мира. Свою позицию блж. Феодорит аргументирует следующим образом: «Ангелы имеют ограниченную сущность, и посему имеют они нужду в месте, потому одно Божество как неограниченное не заключается в месте. Но если Ангелы ограничены местом, то как им существовать прежде неба и земли? Ибо пока нет содержащего, может ли быть содержимое?»

Ангелы как сотворенные сущности для своего существования нуждаются в месте, а место предполагает наличие пространства как формы существования тварного бытия. Следовательно, прежде чем сотворен мир с пространством и временем, не могли появиться и Ангелы. Некоторые отцы, в частности Блаженный Августин, считали, что Ангелы сотворены в первый день вместе со светом и именно поэтому Ангелов называют вторыми светами.

Существует ошибочное мнение: поскольку мир развивается эволюционным путем, от простого к сложному, а Ангел более совершенен, чем человек, следовательно, Ангелы должны были появиться после человека. Это неверно, поскольку в стихах с четвертого по седьмой главы тридцать восьмой Книги Иова говорится, что Бог основывал землю при общем ликовании небес, когда все сыны Божии восклицали от радости. Сыны Божии в данном случае – Ангелы, а основание земли относится к четвертому дню творения. Значит, Ангелы к этому времени уже существовали.

Вопрос о времени сотворения Ангелов принадлежит к области богословских мнений. Однозначно можно утверждать только то, что Ангелы сотворены не позднее 4-го дня, а следовательно, не могли быть сотворены вместе с человеком или позже него.

Протоиерей Н.П. Малиновский. Очерк православного догматического богословия. Сергиев Посад, 1914

Естество Ангелов

О духовности естества ангельского говорит св. апостол Павел, прямо именуя их служебными духами, посылаемыми на служение для тех, которые имеют наследовать спасение (Евр. 1, 14).

Слово «дух» означает неведущее и бестелесное существо. То же значение имеет оно и в изречении апостола, наученного таинствам веры от Самого Господа.

Если в Слове Божиим многократно упоминается о явлениях Ангелов в видимом теле; то во всех таких случаях они обнаруживали ум и волю и вообще действовали так, как свойственно действовать разумно свободным, духовным существам.

Образ человека, в котором они являлись, не составляет их самих, а представляет только видимость их явления, поэтому отнюдь не возмущает уверенности в духовности их естества, как и Богоявления не расстраивают уверенности в духовности естества Божия.

Таковы основания духовности естества душ и Ангелов, извлекаемые из Слова Божия учителями церковными!

Спрашивается: где хранятся тонкие тела, в которые облакаются духи, являясь людям? Отвечаю: там же, где хранилось тело Господа, в котором Он явился Аврааму, в котором боролся с Иаковом, в котором видим был в раю и проч. Во всех этих и подобных случаях Он принимал тело на время, следовательно, где-нибудь его брал. Таким образом, где брал тело Господь, там берут его и духи, и где хранились те Господни тела, там хранятся тела и духов.

Скажут на это: так ведь то Господь – повелит, и соберутся вокруг Него стихии и образуют тело; повелит снова – стихии разрешатся, и не станет тела.

Но Тот же Господь, сотворивший дух по образу и подобию Своему, мог даровать и им способность собирать вокруг себя стихии и облакаться в видимое тело, когда это бывает нужно для исполнения Святой Его воли. Я не вижу тут ничего невозможного. Не невозможно это со стороны Бога: Он готов даровать твари всякое благо, которое она способна вместить. Спрашивается: может ли дух вместить такую способность? Отвечаю: может, ибо он есть сила, действительно существующая среди других тварей, и сила высшая всего вещественного, сколько бы сильным и мощным оно ни являлось. Высшее же по естеству может натурально господствовать над естествами низшими, и низшие естества должны естественно покорствоваться и подчиняться высшим.

Так я полагаю, что духам бесплотным Бог даровал способность привлекать к себе, когда это требуется, известные стихии и образовывать из них вокруг себя известную оболочку и потом, когда минуется надобность, отрешать их от себя и возвращать в первое состояние. Таким способом Ангелы образуют себе как тело в виде человеческого, в котором обыкновенно являются, так и одежду и все, с чем являются; и таким же способом все это опять разлагается на свои стихии. И мне кажется, что этот способ объяснения есть самый простой и натуральный, а главное – обнимающий все случаи ангелоявлений.

Возьмите магнит и поместите его среди опилок железных – они тотчас привлекутся к нему и облепят его со всех сторон. Парализуйте каким-либо способом силу магнита – опилки все отпадут, и магнит останется голым.

Точно так же и у духов есть естественная способность привлекать и отрешать стихии, с той только разницей, что то, что в магните действует механически, у духов совершается в подчинении свободе и разуму. Душа наша, как учит св. Григорий Нисский, сама образует себе тело. Но этот процесс образования очень длинен, и притом душа, образовавши себе тело, не имеет свободы по желанию разрешить его. Духи же высшие и образуют себе тела, и разрешают их свободно, и притом по своему желанию или Божью изволению. Еще: душа наша во сне, а иногда и наяву воображает себя в разных состояниях и видах. Переносу это

на духов и говорю: что душа может воображать только, то дух высший может производить, конечно, по условиям своего высшего духовного образа существования и действия и в подчинении правящему Верховному Существу.

Посмотрите, что говорит св. Дамаскин об Ангелах, и вы согласитесь, что ни под каким видом нельзя в нем предполагать мысль о вещественности ангельского естества. Послушайте, например, о том, как св. Дамаскин объясняет взаимное общение между собою Ангелов.

«Ангелы, – говорит он, – суть светлые мысленные, вторые от первого и безначального света имеющие просвещение, не нуждающиеся в языке и слухе, но без произносимого языком слова передающие друг другу свои помышления и желания».

Какая тут вещественность? Если б св. Дамаскин признавал их вещественными, он сказал бы, что Ангелы имеют язык, очи и прочие члены, видят друг друга, беседуют друг с другом, друг друга посещают. Если св. Дамаскин ничего такого не допускает, а напротив, взаимное общение Ангелов объясняет духовным, мысленным образом, то очевидно, что он не признает Ангелов вещественными. Послушайте еще, как понимает св. Дамаскин отношение Ангелов к месту.

«Как умы, они в мысленных местах суть, не будучи описуемы подобно телам: ибо, по естеству своему, они не имеют вида или образа подобного телам, не имеют и трех измерений, но мысленно бывают присущи и действуют там, где им повелено, и не могут в одно и то же время быть и действовать здесь и там».

Это совершенно освобождает естество Ангелов от тех грубых форм, в каких представляет их новое, желающее придать им вещественность учение, основываясь на явлениях Ангелов и перенося образ явления на образ естества. А св. Дамаскин учит, что хотя нет их на небе, когда они на землю посылаются, и хотя не могут они в одно и то же время быть здесь и там, но когда бывают на каком месте, то бывают не так, чтобы очерчивались здесь какою-либо формою, протяженною в высоту, длину и ширину. Таких измерений они не имеют, не имеют и никакого вида, как свойственно иметь телам. Потому можно сказать только, что они здесь, а не там, что они здесь оказывают свое действие, а не там. Чтобы не сочли, что я самовольно толкую слова св. Дамаскина об отношении Ангелов к месту, названного у него местом «мысленным», выписываю, как понимает свое «мысленное место» сам св. Дамаскин.

«Есть же мысленное место то, где созерцается, и есть мысленное и бестелесное естество, где оно присуще и действует мысленно, а не объемлясь телесно или подобно телам. Ибо оно не имеет вида, чтоб быть объята телесно» (Кн. 1, гл. 13).

Ну вот, как есть бестелесное в известном месте. Есть, присуще, действует, но не занимает его и не обнимается им. А вот и еще слова его собственно о месте ангельском.

«Ангел не содержится в месте подобно телам, так чтобы принимать образ какой или вид. Но говорится, что он бывает в известном месте ради того, что мысленно присущ в нем и действует по своему естеству и что в то же время не бывает в другом месте, но там мысленно представляется, где и действует. Ибо не может он в одно и то же время действовать в разных местах» (Там же).

Но если, таким образом, по св. Дамаскину, Ангелы не занимают места и не обнимаются им, если не имеют никакого протяжения и вида, то очевидно, что, по его же учению, они не имеют и никакой вещественности, какою бы тонкой ее ни воображали; потому что ничто вещественное не может быть без этих принадлежностей; а что не имеет их, то уже и не вещественно.

«Некоторые утверждают, – говорит он, – что Ангелы сотворены прежде всякого творения, как говорит и св. Григорий Богослов: «во-первых, измышляет (Бог) ангельская, Небесные Силы, и мысль стала делом»... Совершенно согласуюсь с Богословом и я. Ибо

надлежало прежде быть создану мысленному естеству, потом чувственному и, наконец, – человеку, единому из обоих» (Кн. 1, гл. 13).

Такого же точно мнения и Василий Великий. Вот три свидетеля! При троих же свидетелях станет всяк глагол. Ибо если Ангелы сотворены прежде всего телесного и вещественного без ограничения, то как можно думать, чтоб они были тело, хотя бы тонкое? Не говорят св. отцы, что прежде сотворены тонкие тела-ангелы, а потом другие тела грубые; а вообще утверждают, что Ангелы сотворены прежде всякой вещественной твари. Следовательно, по их учению, в Ангелах не должно видеть решительно ничего вещественного.

Свт. Феофан Затворник. Душа и Ангел – не тело, а дух. М., 1891

Назначение Ангелов

Ангел – существо духовное, дух. Его несколько можно уподобить духу, живущему в человеке, ибо и в человеке есть дух, который мы называем душой. Но между ними есть различие, которое прежде всего состоит в том, что душа человеческая заключена в тело, в плоть, тогда как Ангел не имеет никакой телесности, никакой телесной оболочки. Вследствие этого душа человеческая, пока она находится в человеческом теле, не может проникнуть туда, где есть какое-нибудь видимое препятствие, какая-нибудь видимая преграда, например, сквозь стену, в запертый дом. Между тем Ангел может являться всюду. Ему нет и не может быть никаких препятствий, никаких преград.

Отличается Ангел от человеческой души и по своей природе. Ангелы выше, совершеннее души человеческой. Они могут знать и знают больше человеческой души, заключенной в тело, т. е. больше человека. Так как они стоят ближе к Богу, Источнику всякого знания, то им и открывается Богом больше, чем человеку.

Зная больше человека, они прозревают и будущее, тогда как человеку не дано этого (разве только по какому-нибудь особенному поводу и притом – немногим, как, например, пророкам или некоторым святым людям, угодившим Богу своей добродетельной жизнью).

Будучи по своей природе выше и совершеннее души человеческой или человека, Ангелы и крепче, могущественнее Его. По данному им от Бога могуществу они могут совершать великие перемены в видимом нами мире, в котором мы живем. Свое могущество Ангелы не раз и проявляли в жизни людей.

Постоянное местопребывание Ангелов – Небо. Они предстоят пред Престолом Божиим, хотя по воле Божией иногда и сходят на землю (о чем сказано будет ниже). По своему происхождению Ангелы – такое же творение Божие, как и человек. В какое время они были сотворены Богом и в каком количестве, об этом в слове Божиим нет точных сведений. Известно только, что Ангелы сотворены прежде людей. Известно также и то, что число их необычайно велико, – нужно думать, во много раз больше числа всех людей. В слове Божиим не раз упоминается о бесчисленном количестве их.

Так, св. пророк Даниил в откровении видел сидящего на Престоле Господа Саваофа, между тем как «тысячи тысяч служили ему и тьмы тем (т. е. бесчисленное множество) предстояли пред Ним (Дан. 7, 10). Точно так же и ап. Иоанн «видел и слышал голос многих Ангелов вокруг Престола (Божия)... и число их было тьмы тем (т. е. бесчисленное множество) и тысячи тысяч (Откр. 5, 11). Все это бесконечное число Ангелов находится не в одинаковой близости к Богу, а потому Ангелы не все равны между собой. Подобно тому, как и у людей, одни – начальствующие, другие – подчиненные, и между Ангелами есть высшие и низшие, есть начальствующие и подчиненные. В этом отношении все бесконечное число их разделяется на девять разрядов или чинов. А эти девять чинов – на три лика. В первом, самом высшем лике, в самом близком к Богу, находятся первые три чина Ангелов, именно: 1) Серафимы, 2) Херувимы и 3) Престолы. Во втором, среднем лике состоят следующие три чина Ангелов: 4) Господства, 5) Силы и 6) Власти. В третьем, низшем лике находятся последние три чина Ангелов: 7) Начала, 8) Архангелы и 9) Ангелы. Ангелами собственно называется последний девятый, чин бесплотных духов, хотя обыкновенно этим именем мы называем все девять чинов ангельских, начиная с самых высших без различия.

Назначение Ангелов – служить своему Творцу и прославлять Его. Они и исполняют это. Самое их присутствие у Престола Божия уже есть прославление Господу. Чтобы лучше понять и яснее представить себе это, возьмем для примера земного царя. Всякий земной царь для того, чтобы возвеличить себя пред своими подданными, окружает себя различными высшими сановниками, различного рода высшими придворными чинами. Во всех царских

выходах, во всех представлениях царю иноземных посланников эти царские сановники и придворные чины сопутствуют царю, окружают его. И это придает особенную торжественность царскому выходу и увеличивает славу царя. И чем больше окружающих царя сановников, тем больше прославляется царь, тем больше умножается его величие. То же нужно сказать и относительно Царя Небесного. Бесчисленное множество окружающих Его Ангелов в бесконечной мере способствует прославлению Творца, бесконечно великого в Своем творении. Через Ангелов Он прославляется по Своему достоинству как бесконечно великий, бесконечно могущий, бесконечно славный. Это прославление Его еще более возвышается, когда бесчисленное множество горних воинств, окружая Престол Всевышнего, по видению пророка Исаии и по выражению церковной песни, «непрестанными гласы зывают: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф» (Ис. 6, 3). Тогда прославление бесконечно великого Бога становится выше всякой меры, выше всяких пределов: тогда человеческим словом оно невыразимо, человеческим пером оно неопишимо...

Слово «Ангел» – греческое; на русском языке оно означает «вестник». Этим именем бесплотные духи называются потому, что Господь нередко посылает их на землю возвещать волю Свою обитателям земли – людям.

Предстоя пред Престолом Всевышнего как Источника всякого добра и всякой любви, Ангелы так окрепли во всем добром, что и не могут ничего желать другого, кроме добра, – и такую великую любовь имеют в сердце своем, что не могут не проявить ее, где это можно. И вот, все свое доброжелательство, всю свою любовь они и проявляют, кроме своего Творца, еще и к тварям Его – как друг к другу, так и к меньшим своим братьям – к людям. Они стараются сделать для людей всякое благо – все, что полезно для них во временной и вечной жизни. Так, они приносят пред Богом молитвы людей и ходатайствуют за них, насколько люди заслуживают того, споспешествуют людям во всех их благих начинаниях, помогают им в трудных обстоятельствах жизни, избавляют их от напрасной смерти и от всякого зла и прочего, и прочего. Одним словом, Ангелы – наши доброжелатели, наши заступники пред Богом, наши помощники в бедах и напастях.

Во всех случаях Ангелы являлись людям в человеческом образе и действовали как люди. Но, помогая человеку, Ангелы не всегда являются ему видимо. Иногда в этих случаях они сами остаются невидимыми, только чем-нибудь указывая человеку о своей помощи. В городе Санкт-Петербурге в 1769 году зимою в одном военном учебном заведении (в сухопутном кадетском корпусе) в поварне произошел пожар. Пожар случился в самую полночь, и все малолетние ученики, живущие там в одном здании, неминуемо сгорели бы, если бы не были спасены особенным, чудесным образом. В самую полночь, когда все ученики спали крепким сном, привратник, спавший недалеко от них, вдруг услышал голос: «Мы горим!» Проснувшись, он поднял с постели голову и стал искать, кто сказал это. Не видя никого, он опять лег. Скоро он опять услышал тот же голос, который сказал ему: «Встань, мы горим!» Привратник встал и, встревоженный, везде стал осматривать, где можно, и даже за печкой, не было ли кого в здании, но и вторично никого не нашел и опять лег. Наконец он услышал в третий раз голос, который говорил: «Да что же ты не встаешь? Встань, мы горим!» Тогда он поспешно встал, вышел на двор и с ужасом увидел огонь, который быстро усиливался. И если бы промедлить еще немного времени, пламя охватило бы все здание и много людей сгорело бы. Прибежав обратно в здание, он перебудил учеников. Ученики почти не успели одеться и обуться и все, кто босиком, кто в одних чулках, иной без платья, бросились из комнаты. В таком положении они должны были бежать по снегу значительное пространство, но, с Божьей помощью, все спаслись и даже все остались здоровы. Несомненно, голос, разбудивший привратника, был голос ангельский, без него неминуемо все сгорели бы⁶.

⁶ *Погодин М.П.* Простая речь о мудреных вещах. М., 1875.

И много в человеческой жизни бывает подобных случаев, когда Ангелы, будучи сами невидимы людям, посылают им свою помощь тем или другим чудесным способом, избавляя их от явной опасности, от явной гибели. Так, Ангелы преисполнены любви к нам, людям, так они заботятся о нас. Поэтому Св. Церковь и молится Богу, от лица всех взывая к Нему: «Избави нас от всякой скорби, зол и болезней, огради нас святыми твоими Ангелы, да ополчением их соблюдаемыми и наставлениями, достигнем в соединение веры...»

Но Ангелы не довольствуются тем, что помогают только некоторым людям и притом – в каком-нибудь отдельном случае или по мере надобности. Нет! Этого мало. Св. Церковь верует, что попечением ангельским пользуется каждый человек (христианин) в отдельности и притом – не в одно какое-нибудь время, а во всю свою жизнь. По верованию Св. Церкви, каждому христианину при крещении дается свой Ангел, который берет его на свое невидимое и видимое попечение, хранит его видимо и невидимо в духовной и телесной жизни, почему и называется Ангелом-Хранителем. Будучи приставлен к человеку с самого крещения, Ангел-Хранитель остается при нем и сопровождает его до самой его смерти. Он заботится как о вечном спасении его, так и о жизни временной. Именно он внушает ему добрые, душеполезные мысли, помогает ему в совершении добрых дел, отгоняет от него дьявола, разрушая дьявольские козни, помогает ему в разных трудных обстоятельствах его жизни, избавляет от напрасной смерти и проч., и проч. Одним словом, Ангел-Хранитель есть пестун или воспитатель человека, невидимый руководитель и защитник, ходящий с ним во все дни его жизни.

А вот примеры того, как Ангел-Хранитель спасал людей от напрасной смерти. Однажды, опоздав на пути, св. Поликарп, епископ Смирнский, вошел на ночлег в гостиницу вместе со своим диаконом. В полночь Ангел-Хранитель толкнул его в бок и сказал: «Поликарп, встань и поскорее выходи из этой гостиницы, ибо она тотчас обрушится». Это предостережение Ангел делал трижды. Как только св. Поликарп вышел, гостиница тотчас же обрушилась, и в ней побиты были все остальные, которые там находились⁷...

Много подобных случаев бывает и в нашей Русской Православной Церкви с людьми богобоязненными. Один солдат шел с военной службы домой. С собой он нес порядочную сумму денег. Дело было глухой осенью, когда обыкновенно смеркается рано. К сумеркам он пришел в одну деревню и решил в ней переночевать. В деревне было много постоялых домов. Подойдя к одному из таких, солдат увидел у ворот хозяина и попросился ночевать. Хозяин, узнав, что он – солдат, сначала отказался пустить его, думая, что путник не заплатит за еду и ночлег, так как, по его мнению, солдату негде взять копейки. Но когда солдат относительно этого успокоил его, хозяин согласился пустить. Вошел солдат в избу. Не понравились ему ни хозяин, ни хозяйка. Оба они были угрюмые, неразговорчивые, свирепые. Но солдат подумал: «Не век же мне вековать тут: ныне пришел, а завтра чем свет выйду. Проведу как-нибудь ночь, – благо еще покой нашелся...»

Пужинал солдат и сейчас же стал расплачиваться, чтобы поутру пораньше, без задержки отправиться в путь. Хозяин и хозяйка, увидев у солдата много денег, стали поразговорчивее. Хозяин вдруг сказал солдату: «Должно быть, ты, служивый, не с пустым карманом идешь домой-то? Деньги, видно, есть у тебя?» Солдат ответил: «Есть малая толика». «Откуда же ты взял их, служивый?» – спросила в свою очередь старуха. Солдат ответил ей: «В заграничной армии служил, а там большое жалованье давали; вот я и берег его – нужду терпел, да берег. У меня есть в деревне брат с семейством: так больше для него хлопотал, чтобы придти к нему с подмогой. Бог даст, приду, вот мы и поправимся».

Встав из-за стола, солдат скинул шинель, положил котомку под голову и скоро заснул. Пред сном он по своему обыкновению помолился Богу и прочитал молитву своему Ангелу-

⁷ Дьяченко Г.М., свящ. Духовные посе́вы. М., 1897.

Хранителю. Ночью он вдруг проснулся, сам не зная от чего – как будто кто холодной водой окатил его, – и сразу стал подниматься на ноги. Смотрит, а около него стоит хозяин и над самой его шеей держит нож, чтобы зарезать его... У солдата в руках ничего не было, чем бы защититься, и он уж стал думать о смерти. Вдруг ему пришло в голову сказать хозяину: «Что ты делаешь? Ведь я не один здесь из солдат – нас здесь много, меня спохватятся». Хозяин как будто бы немного опешил, задумался, однако скоро опять приободрился и сказал: «Поздно теперь басни-то распускать. Молись, да и карачуп тебе». В это время хозяйка из-за перегородки закричала мужу: «Что ты его слушаешь?» Сказав это, она выбежала с топором в руках и бросилась на солдата. Жизнь несчастного висела на волоске. Никакой другой помощи, кроме помощи Божией, солдату нечего было ждать, ибо была самая полночь и в деревне все кругом спали.

В ожидании, что ему от топора или ножа сейчас будет конец, солдат упал на колена и стал читать молитву своему Ангелу-Хранителю, как он делал это уже не раз в минуты смертной опасности. Вдруг кто-то крепко застучал в окно, да так, что задрожали все стекла. Потом снаружи послышался голос: «Хозяин, хозяин! Отпирай живей, не то ворота разобьем: господа офицеры приехали на постоянное». Хозяин и хозяйка увидели, что теперь для них самих пришло дело плохо, и повалились солдату в ноги. «Не губи, не выдай нас», – умоляли они. – Враг смутил нас окаянный...» Но солдату было не до того. Схватил он с полки котомку, накинул шинель, да без сапог и шмыгнул из избы. Выбежал он на улицу и видит, что ни у ворот и нигде никого нет. Да, должно быть, и не было... Но он был без памяти рад, что вырвался из-под ножа, и во весь опор побежал по поселку. Опомнился он тогда, когда прибежал уже в середину поселка. Тут у него отлегло от сердца: он был спасен.

Такие благодеяния для души и тела посылает человеку его Ангел-Хранитель. Поэтому Св. Церковь на молитве (просительной ектении) у Господа Бога и просит «Ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес наших».

Но видимые чудесные действия Ангела-Хранителя в жизни человека бывают сравнительно редки. По большей же части эти действия бывают невидимы для телесных очей. Чтобы заметить их и отличить от различных внешних случайных обстоятельств и внутренних человеческих чувствований и пожеланий, для этого нужно внимательно всмотреться в жизнь, вдуматься в свои поступки, а также внимательно прислушаться к голосу своей совести. Тогда мы можем открыть много такого, что можно объяснить только действием в нашей жизни Ангела-Хранителя. Вот, например, хотя бы обратить внимание на то, сколько раз каждому человеку в своей жизни приходится подвергаться той или другой опасности? Часто смерть по пятам ходит за человеком (например, камень или бревно сверху строящегося дома упало на стоящего внизу и чуть не разбило ему голову, рьяная лошадь помчала, выбросила из повозки седока и чуть не убила его до смерти и проч., и проч.) – и все-таки человек во многих подобных случаях избегает опасности и, благодарение Богу, остается невредим, иной раз даже не думая остаться живым. А если посмотреть на детей?.. Кому не известны случаи, когда дети падали со значительной высоты на землю, на камни и т. п. и все-таки оставались живы? По-видимому, они должны бы разбиться до смерти, а на самом деле они часто даже не получают никаких ушибов и повреждений. Отчего же все это происходит так? От того, что по воле Божией Ангел-Хранитель является на помощь человеку в опасностях и оберегает его от несчастий, сохраняет его от напрасной смерти по слову Божию, которое говорит: «Не приидет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему, яко Ангелом Своим [Господь Бог] заповесть о тебе, сохранить тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою» (Пс. 90, 10–11).

Но, внимательно всматриваясь, особенно часто можно видеть то, как Ангел-Хранитель способствует избавлению человека от гибели душевной, от греховных падений. Вот, например, человек задумал сделать какое-нибудь преступное дело, сделать какое-нибудь зло

своему ближнему. Вот он уже совсем решился исполнить свое намерение, но вдруг совесть заговорила в нем и смутила его покой. Задумался об этом человек, наконец понял свое заблуждение и бросил задуманное нехорошее дело. Душа его избавилась от излишнего великого греха. Что же такое тут вышло с человеком? Почему ему пришла благоразумная мысль бросить свое преступное намерение? А потому, что на страже его сердца стоял его Ангел-Хранитель, который навел его на мысль о преступности дела, вследствие чего человек, имея еще в себе некоторую искру добра, внял голосу своей совести, пробужденной Ангелом-Хранителем, и после некоторой борьбы с собой оставил задуманное.

Вот, например, человек, удрученный какими-нибудь несчастными обстоятельствами, решил свести счеты с жизнью, решил совершить самоубийство. Он уже окреп в своем пагубном намерении и пошел приводить его в исполнение. Но вдруг во время пути у него совершился в душе переворот, или появилась особенная жалость к своему семейству, которое осиротеет без него, о будущих вечных мучениях за его столь бесчестное дело, или почувствовалась особенная любовь к жизни, которая заставила его бросить свое преступное намерение. Что же случилось тут с человеком? Ведь человек, решившийся на самоубийство, очевидно, успел как следует подумать и о семье, и о будущих мучениях, и обо всем, что выйдет из его несчастного поступка, однако не оставлял своего намерения, а вот теперь вдруг как бы опомнился... Отчего же это вышло так? Оттого, что в самую нужную, так сказать, последнюю минуту Ангел-Хранитель, дожидавшийся отрезвления человека, пришел ему на помощь, подействовал на его душу, вследствие чего та мысль, которая прежде не раз приходила ему в голову, которую он уже обдумал как следует, теперь подействовала на него иначе, и человек спасся от вечной гибели. И вообще, если всматриваться в жизнь, можно увидеть много случаев, когда Ангел-Хранитель помогает человеку на его душевную пользу, когда отстраняет от него явную гибель.

Но нужно сказать здесь, что Ангел-Хранитель близок только к тем, в которых не погасла еще искра Божия, которые имеют мысль о своем спасении, еще не совсем погибли своей душой. Поэтому и говорит слово Божие: «Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его (Господа) и избавляет их» (Пс. 33, 8). От тех же, которые потеряли веру в Бога и надежду на Его милосердие, которые не имеют никакой мысли о будущей жизни и о вечном спасении, – от тех Ангел-Хранитель отстоит далеко. Он все испробовал, чтобы приблизиться к ним и помочь им в делах временной и вечной жизни, но жизнь и дела их отгоняют его, как пчел отгоняет дым и голубей – смрад. Место Ангела-Хранителя возле таких людей заступает диавол, а Ангел-Хранитель является тогда уже грозным обличителем их злых дел пред судом Божиим. Св. Андрей Юродивый около умирающего беззаконника однажды видел грозного Ангела, вид которого был подобен пламени. Ангел, который был невидим другими, держал в руке своей огненную трость. Он подошел к умирающему и начал бить его этой тростью, приговаривая: «Еще ли ты хочешь беззаконничать и осквернять различных лиц? Ты притворялся, что ходил к утрене, а между тем ходил на диавольские дела». В это время беззаконник испустил дух свой, и душа его тотчас же была взята демонами (Четьи-Минеи, 2 октября).

Если свв. Ангелы желают людям всяких благ – временных и вечных, если они – помощники людей во всех их бедах и напастях, во всех добрых их начинаниях, если они, наконец, предстоя пред Престолом Божиим, приносят молитвы людей, ходатайствуют за них пред Богом, то, конечно, люди, со своей стороны, должны делать все, чем хотя бы в малой степени могли оказаться достойными таких благодеяний Ангелов. Прежде всего люди должны почитать их как великих слуг Божиих, а потому и воздавать им достойное их поклонение. Вместе с тем люди в своих молитвах должны благодарить их за посланную ими уже помощь и благодеяния, а также просить себе у них заступления в бедах и напастях, которые обрушились или только готовятся обрушиться на них. Особенно человек должен обращаться в молитвах к своему Ангелу-Хранителю. Ангел-Хранитель ведь приставлен к человеку именно за тем,

чтобы быть ему помощником в скорбях и напастях, а также помогать ему в достижении вечного блаженства. Стало быть, к кому же человеку скорее всего можно и обратиться, как не к Ангелу-Хранителю, своему великому помощнику и заступнику пред Богом? И христианин пусть почаще и обращается к нему. Ложась на ночь в постель и встав поутру от сна, он непременно должен помолиться и своему Ангелу-Хранителю, вместе с другими молитвами он непременно должен принести молитву и ему. Вот молитва, которую Св. Церковь установила читать Ангелу-Хранителю: «Ангеле Христов, Хранителю мой святыи и покровителю души и тела моего, вся ми прости, елика согреших во днешний день, и от всякого лукавствия противного ми врага избави мя, да ни в коем же гресе прогневаю Бога моего, но моли за мя грешного и недостойного раба, яко да достойна мя покажеша благодати и милости всесвятых Троицы и Матере Господа моего Иисуса Христа и всех святых. Аминь».

Как было уже сказано, Ангелы – существа духовные. Но так как, являясь людям, они принимают вид человека, то и изображаются у нас в виде людей. По большей части Ангелы изображаются в белых одеждах. Это, во-первых, потому, что в белых одеждах они нередко являлись взору людей (например, при воскресении Иисуса Христа, при вознесении Его на Небо и проч.), а во-вторых, белая одежда знаменует собой ту духовную чистоту, ту непорочность, которая свойственна Ангелам. Кроме того, Ангелы изображаются у нас с двумя крыльями (иногда даже с большим количеством, например, с шестью, отчего в священной песни и называются «шестокрылатии»). Крылья указывают на ту особенную быстроту, с которою они исполняют волю Божию. Наконец, нередко Ангелы изображаются у нас со многими глазами («многоочитые»). Это знаменует, что взору их доступно все, что взор их проникает всюду, куда не может проникнуть взор человека.

Павел Никольский. Святые Ангелы. Тамбов, 1907

Почему мы не видим Ангелов?

Если Ангелы – реальные существа, то почему же мы не можем видеть их? А сколько людей верит в то, что стакан с водой наполнен мельчайшими копошащимися в воде живыми существами? Все мы, несомненно, верим в это. Вода наполнена микроорганизмами, и если прямо сейчас мы могли бы рассмотреть каплю воды под микроскопом, она немедленно ожила бы пред нашим взором. Существует множество всего, что абсолютно реально, однако не воспринимается нашими органами чувств. Место, в котором вы сейчас находитесь, наполнено всевозможными голосами. В этот самый момент его наполняет музыка, однако вы не можете ее слышать. Но достаточно просто включить радио, чтобы в этом убедиться. Тот факт, что мы можем не видеть или не слышать чего-то, еще не является доказательством того, что это «что-то» не существует.

Истина состоит в том, что люди видели Ангелов; даже животные могли их видеть. В Книге Чисел в двадцать второй главе описано, как один человек по имени Валаам ехал однажды верхом на ослице. Неожиданно животное прекратило движение, остановившись в узком проходе между двумя стенами. И даже хотя Валаам начал немилосердно бить ослицу, она отказалась сдвинуться с места, поскольку ее взору открылся Ангел, стоявший у них на пути. Мгновение спустя и Валаам увидел Ангела; тогда он понял, почему животное не двигалось вперед.

Одна из причин, по которой Ангелы видимы человеком не часто, заключена в той природе, которой мы обладаем. В восьмом и девятом стихах двадцать второй главы Книги Откровение мы читаем: «Я, Иоанн, видел и слышал сие. Когда же услышал и увидел, пал к ногам Ангела, показывающего мне сие, чтобы поклониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; ибо я сослужитель тебе и братьям твоим пророкам и соблюдающим слова книги сей; Богу поклонись». Здесь мы видим, как великого апостола Иоанна упрекнули за попытку поклониться Ангелу. Уж если на этого мужа Божьего необычайная слава Ангела произвела такое воздействие, то что говорить о нас с вами? Если бы Бог позволил им часто появляться перед людьми, они наверняка стали бы объектами обожествления и поклонения. Вообще говоря, Ангелы появляются перед людьми в человеческом облике. В тринадцатой главе Послания к Евреям апостол говорит: «Страннолюбия [гостеприимное отношение к странникам] не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам». Возможно, что и вы, не осознавая этого, встречались с Ангелом, принявшим вид незнакомца.

Далее, хотя Ангелы и не могут быть объектом нашего поклонения, следует по достоинству оценивать их силу. Иногда Бог направляет их произвести суд над нечестивыми. Один из хорошо известных тому примеров – история об ассирийской армии, бросившей вызов Небесному Богу во времена Ветхого Завета. Ночью Ангел-губитель появился в стане, и на следующее утро обнаружилось, что 185 000 ассирийских воинов мертвы. Этот эпизод резко контрастирует с обычным для Ангелов служением охраны и защиты. Но нам следует помнить, что именно в отношении боящихся Бога Ангелы проявляют наибольшее свое могущество. «Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их» (Пс. 33, 8).

Ангелы настолько реальны, что их видели воочию. Давайте прочтем об одном случае, описанном в стихах с 15-го по 17-й шестой главы 4-й Книги Царств: «Поутру служитель человека Божия встал и вышел; и вот, войско вокруг города, и кони и колесницы. И сказал ему слуга его: увы! господин мой, что нам делать? И сказал он: не бойся, потому что тех, которые с нами, больше, нежели тех, которые с ними. И молился Елисей, и говорил: Господи! открой ему глаза, чтоб он увидел. И открыл Господь глаза слуге, и он увидел, и вот, вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругом Елисея».

Ангелы тесно взаимодействуют с членами человеческой семьи. Они внимательно наблюдают за всем, что происходит с человеком. Они знают нас по именам и фамилиям. Они знают о том, чем мы зарабатываем себе на жизнь. Им известно, где мы живем. Они знают о том, молимся ли мы, или нет. Они знают, оказываем ли мы поддержку делу Божьему, или не оказываем. Им известны все подробности нашей жизни.

Ангелам полностью открыты все факты нашей биографии, поскольку они сопровождают нас от колыбели и до могилы. У каждого человека есть Ангел-Хранитель, стремящийся влиять на него таким образом, чтобы человек избирал верные пути. Он также охраняет нас от тысячи опасностей, встречающихся нам на жизненном пути. «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» (Мф. 18, 10). Чем еще мы можем объяснить чудесное вмешательство невидимых сил, сохраняющих нас от беды? Время от времени мы осознаем их благословенное присутствие, но чаще всего мы не отдаем себе отчета в том, сколь многообразно их служение нам.

Хотя ты никогда не видел своего Ангела-Хранителя, но не заключаешь из сего, что при тебе его нет. Никто не видел души своей; пока живем на земле, не увидим Господа Бога; и однако... у нас душа, был есть и будет всегда Господь Бог наш. Мы не видим Ангелов-Хранителей, во-первых, потому, что Ангелы суть духи бестелесные, а мы сами обложены плотью и глазами у нас такие, что могут видеть только плотяное и вещественное.

Во-вторых, мы не видим Ангелов Божиих потому, что того недостойны. Мы грешны, а они чисты и святы. Если хочешь видеть Ангелов Божиих, будь, как они, безгрешен и праведен. Таким людям они действительно являлись, например, Аврааму, Иакову, Моисею, святым апостолам и другим. Будь таким, как сии угодники Божии, тогда Ангелы и тебе видимо будут являться. Впрочем, хочешь ли знать, как и не видя своего Ангела-Хранителя, увериться, что он с тобою? Слушай, что говорит святой отец Иоанн Лествичник: «Когда при каком ни есть молитвы своей изречении почувствуешь внутреннее услаждение, либо умиление, то остановись на оном. Ибо тогда Ангел-Хранитель вкупе с нами молится». Так и не видя Ангелов-Хранителей, мы можем в сердце своем чувствовать их спасительное действие.

Насколько же захватывающим будет тот день, когда мы сможем поговорить со своим Ангелом-защитником, сопровождавшим нас на протяжении всей нашей жизни на земле. В этот день мы сможем узнать о бесчисленных неосознанных столкновениях со смертью и о том, как Ангелы спасали нас.

Составлено по книге «Беседы сельского священника с прихожанами». М., 1900

Об Ангелах-Хранителях человеческих обществ

Ангелы даются для сохранения городов, царств, областей, монастырей и церквей.

По учению Православной Восточной Церкви, в сонмах Ангелов Божиих есть такие, которые назначаются от Бога блюстителями и хранителями городов, царств, областей, монастырей, церквей и других человеческих обществ. Чтобы убедиться в истине этого учения, которого не принимают некоторые из западных христиан, посмотрим, на чем оно утверждается: есть ли для него какое-нибудь основание в Св. Писании и других источниках христианского вероучения, и не говорит ли что-нибудь в его пользу человеческий разум и опыт, по крайней мере тот и другой не противоречат ли ему?

В Св. Писании не много находим таких мест, в которых говорится об Ангелах-Хранителях обществ. К тому же и эти немногие места подвергаются различным насильственным толкованиям. Поэтому при указании таких мест считаем необходимым обратить особенное внимание на то, как понимали и толковали их древние учителя и отцы церкви. Таким образом нам откроется сам собою истинный смысл спорного предмета. Итак, где же говорится в Св. Писании об Ангелах-Хранителях обществ? В Ветхом Завете находим два особенно замечательные и более других ясные указания на этот предмет – одно у Моисея, другое у Даниила. В Книге Второзакония (32, 8) читаем: «Когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов человеческих, тогда поставил пределы народов по числу Ангелов Божиих».

Св. Иоанн Златоуст, указывая на эти слова, прямо делает вывод, что каждый народ имеет Ангела-Хранителя. Св. Василий Великий также заключает из слов Моисея о бытии Ангелов, охраняющих народы. Он говорит: «Что есть Ангелы, которые поставлены пещись о народах, сему научает нас Моисей, когда говорит: Когда Всевышний давал уделы народам... и проч.» Далее, в Книге пророка Даниила упоминается об Ангелах народа персидского, греческого и иудейского: «князь царства Персидского стоял против меня двадцать один день» (Дан. 10, 13). «Теперь я возвращусь, чтобы бороться с князем Персидским; а когда я выйду, то вот, придет князь Греции... И нет никого, кто поддерживал бы меня в том, кроме Михаила, князя вашего» (Дан. 10, 20–21).

Здесь Ангел, явившийся Даниилу, говорит не о каких-нибудь земных властителях народов персидского, греческого и еврейского, а об Ангелах-Хранителях этих народов. Это само собою весьма ясно из всего хода речи; почему древние иначе и не трактовали приведенного места. Дионисий Ареопагит в главе девятой своей книги «О Небесной Иерархии» так объясняет его: «Показывая, что и Израиль так же, как и прочие народы, поручен одному из св. Ангелов, для познания чрез него единого начала всего, Св. Писание говорит, что над иудейским народом поставлен Михаил». В том же смысле понимают слова Ангела, явившегося пророку Даниилу, св. Василий Великий и блаженный Феодорит. Последний говорит: «Архангелам поручено смотрение над народами, как учит блаженный Моисей, с которым согласен и блаженный Даниил; ибо упоминает о князе царства Персидского, а потом и о князе Греческого царства, называя Михаила князем Израильским». Но как понимать то, что Ангел народа еврейского хочет бороться с князем персидским? Некоторые объясняют это тем, что народу доброму дается и Ангел добрый, а народу злому – злой. Но у свв. отцов находим такое толкование: Ангел, начальствующий над Иудейским народом, вместе с Даниилом, возсылал к Богу молитвы о возвращении иудеев из плена в Иерусалим, почитая сие благом для пленных. Ангел же Персидского народа молил Бога о продолжении пленения, имея в виду ту пользу и те блага, которые бывают людям от пленения. Посему хотя они молились и с благим намерением, но поелику ни тот, ни другой не знал воли Божией, то отсюда и произошло у них взаимное состязание. Как бы то ни было, впрочем, но из приведенного места у пророка Даниила видно, что действительно есть Ангелы, которые пекутся о целых

народах, и притом с такой ревностью, что даже вступают в брань за них. Наконец, и в Новом Завете, именно в Откровении св. Иоанна, можно найти некоторые указания на то, что есть Ангелы, которые блюдают целые общества людей, именно общества верующих, или церкви. Эти Ангелы изображаются здесь под символом звезд (семь звезд суть Ангелы семи церквей⁸), и каждый из них именуется Ангелом своей особенной церкви. Что здесь говорится об Ангелах-Хранителях церквей, в этом порукою служат нам древние учителя и святые отцы.

Ориген говорит: «Из того, что написал в Апокалипсисе (Иоанн), видно, что к каждой вообще церкви приставлен Ангел». «Я не сомневаюсь, – говорит св. Григорий Назианзен, – что иные Ангелы суть Хранители и покровители церквей, как научает меня Иоанн в Апокалипсисе». Других более ясных указаний на Ангелов-Хранителей обществ в Священном Писании не находим; но и из приведенных выше достаточно видно, что такие Ангелы действительно есть.

В истине этой вся первенствующая Церковь нисколько не сомневалась, как мы уже отчасти и видели это, приводя свидетельства древних. Но дабы убедиться еще больше, что вера в бытие Ангелов-Хранителей человеческих обществ была всеобща, повсеместна в древнем христианском мире, приведем еще некоторые из свидетельств учителей первенствующей Церкви. Св. Дионисий Ареопагит в книге «О Небесной Иерархии», между прочим, пишет: «И другими народами управляли не чужие какие-нибудь боги. Но единое начало всего, и к нему приводили своих последователей Ангелы, начальствующие каждый над своим народом». Климент Александрийский ясно говорит, что «Ангелам вверено начальство над народами и городами». Св. Василий Великий с уверенностью, чуждой всякого сомнения, пишет: «Как у каждого верующего есть Ангел-сопутник, так и у целых народов». В другом месте он так утешает никополитанских пресвитеров: «Если вы сокрушаетесь о том, что вы извержены вне градских стен, то вы водворяетесь в кровь Бога Небесного, и Ангел-Хранитель церкви сопутствует вам». У Блаженного Августина читаем: «Господь не заключил источника своей благодати даже по отношению к народам чуждым, но поручил их смотрению Ангелов, взяв себе в удел народ Израильский». Св. Амвросий свидетельствует об Ангелах церквей. «Для защищения стада Божия, – говорит он, – не только епископов поставил (Иисус Христос), но и Ангелов определил». Наконец, и св. Иоанн Дамаскин, первый из богословов, систематически изложивший все догматы христианского вероучения, ясно говорит, что «Ангелы охраняют страны земли, и суть защитники народов и мест, на что они от самого Творца поставлены». Есть много таких же свидетельств и у других древних учителей и отцов Церкви, как то: Оригена, св. Иоанна Златоустого, св. Григория Назианзена, св. Исидора Пелусиота, блаженного Феодорита и других, как восточных, так и западных. Отсюда видно, что вера в бытие Ангелов-Хранителей человеческих обществ в первые века христианства была всеобщей, повсеместной; ибо выражают ее лица, принадлежавшие к различным церквям, жившие в различных, наиболее известных в то время христианских странах, и не имевшие между собою ничего общего, кроме веры. Поэтому, хотя бы даже в Св. Писании и не было изложено ясного учения об Ангелах, охранявших общества, мы все равно не могли бы сомневаться в истине его. Ибо одна уже всеобщность его в первые века христианства, когда, кроме Писания, было живо еще и устное слово апостольское, одна эта всеобщность учения об Ангелах обществ могла бы уверить нас, что оно не вымышлено людьми, а заимствовано из Божественного источника, из преданий или устного апостольского наставления, подобно тому, как заимствованы оттуда же некоторые другие догматы веры.

Отчего же некоторые из западных христиан не признают учения нашей Православной Церкви об Ангелах, хранящих общества? Отчего не хотят они веровать в бытие этих Ангелов? Оправдываясь в своем неверии тем, будто в Св. Писании не говорится об этом пред-

⁸ Откр. 1, 20.

мете ничего положительного, неосновательность чего мы уже видели, они прибавляют в свое оправдание еще и то, будто учение об Ангелах-Хранителях включает в себе разные несообразности, с которыми не может примириться здравый разум. Не странно ли, говорят они, думать, будто Бог, при попечении о судьбе народов и царств, делает Ангелов помощниками себе? Разве Он, всеведущий и всемогущий, не может сам собою блюсти и охранять их? Но Бог поручает Ангелам охранение народов не потому, что сам не может, так сказать, усмотреть за ними, и не в силах сам собою охранять их – такая мысль странна, нелепа, – но потому, что желает доставить Ангелам свойственное природе их занятие, равно как и потому, что не имеет нужды действовать непосредственно силою своего всемогущества там, где может достигнуть своих целей, действуя через посредство им же созданных тварей.

В самом деле, что такое Ангелы? И для чего они созданы? Ужели для того только, чтобы немолчно воспевать Богу хвалебные песни и, погрузившись в созерцание бесконечных совершенств Его, оставаться в совершенном отчуждении от всего, вне Его существующего? Нет, находясь в ближайшем отношении к Творцу, Ангелы не могут не иметь отношения и к тварям Божиим, особенно к людям, родственным им по своей духовной природе. В бесконечной цепи мироздания духи бесплотные не суть какое-нибудь отдельное, чуждое звено, не имеющее ничего общего с другими звеньями. Они теснейшим образом связаны с низшими их разумными тварями, составляющими венец видимой природы, точно так же, как эти последние ближайшим образом соединены с другими тварями, более низшими их. Но эта естественная связь Ангелов с людьми, это, по самой природе их, необходимое взаимное отношение чем другим может выразиться, если не попечением первых, как высших и сильнейших, о судьбе последних, как низших и слабейших? Если и человек, при всей поврежденности своей, так часто действующий разрушительно на все, что окружает его, нередко принимает невольное участие в судьбе низших его тварей, или сочувствуя им только в жалком их положении, или даже избавляя их от естественных бедствий, то тем более Ангелы – чистые, беспорочные духи, способные только любить, а не ненавидеть, благотворить, а не вредить, созидать, а не разрушать, – не могут не принимать братского участия в судьбе родственников им тварей и не заботиться о них. И как Ангелы не все с одинаковыми совершенствами, но различаются между собою некоторыми степенями достоинства (на что и разум соглашается), то естественно, что и попечение их о судьбе людей должно быть неодинаково: у одних это попечение должно иметь обширнейший круг, у других – теснейший; одни должны заботиться о частных только лицах, другие – о целых обществах. Итак, очевидно, что если Бог поставляет Ангелов хранителями царств, областей, монастырей, церквей и других обществ человеческих, то чрез это Он доставляет им только то, что свойственно им по самой природе их. Очевидно также, что, поступая таким образом, Он делает то же, что видим мы вообще во всех делах Его Промысла, хотя Он сам блюдет над всем как верховный Правитель и Владыка всего, но блюдет, так сказать, посредственно, совершает свое смотрение через различные, в самом же мире заключающиеся средства. Обращая внимание на видимую природу, мы замечаем, что здесь все так устроено Премудрым, что Он одно поддерживает и сохраняет посредством другого, не употребляя к тому непосредственного влияния своего всемогущества. Земля, например, иссыхает и заключает для тварей свои плодоносные недра. Чем же и как избавляет ее Бог от такого зла? Ему достаточно было бы единого мановения Своей всемогущей десницы, единого слова творческих уст, чтобы неплодие земли превратить в плодородие; но Он не делает этого, а вместо непосредственной силы Своего всемогущества употребляет силы естественные: теплоту солнечную и влагу, которую ниспосылает в виде дождя. То же самое может быть и в отношении к человеческому роду. И почему бы в самом деле, когда он подвергается столь многоразличным видам зла, как нравственного, так и физического, почему верховному Промыслителю всего не предохранять его от всех этих видов зла обыкновенным, естественным образом, через посредство других сил и тварей,

способных к тому и по своей природе, и по тому месту? Какое назначено им от Всевышнего в кругу существ разумных? Такой ход действия, будучи подобен тому, что замечаем мы во всей видимой природе, совершенно естественен и не заключает в себе ничего противного здравому разуму.

Не принимающие учения об Ангелах-Хранителях обществ оправдывают себя еще тем, что оно несколько не подтверждается опытом. Никто, говорят они, из живущих в обществе не видит таких Ангелов, не видит и не испытывает их благодетельных действий. Справедливо, что Ангелов-Хранителей никто из нас не видит; но странно было бы и требовать, чтобы они являлись покровительствуемым ими народам или обществам в чувственном виде, а еще страннее и нелепее было бы по такой причине сомневаться в их действительном бытии. Если бы мы вздумали отвергать все то, что невидимо и неосязаемо для наших чувств, то должны были бы расстаться с самыми священными верованиями своей души, должны были бы отвергнуть самые утешительные и спасительные для нас истины религии. Что же касается того, будто и действий Ангелов-Хранителей не представляет нам опыт, – это ложь. Если мы действительно не видим благодетельного влияния Ангелов-Хранителей на общества людей, то это потому же, почему часто не видим и следов Промысла в управлении вселенной, потому что не хотим видеть. И то, что бывает делом небесного покровителя, приписываем или себе, или, что еще хуже, какому-то благодетельному случаю. Кто со вниманием всматривался в судьбы человеческих обществ, в те спасительные перемены, которым они подвергаются, тогда как вовсе не содействуют тому сами, в те опасности и бедствия, от которых нередко избавляются они непредвиденным каким-либо и как бы чудесным образом, тот не мог не заметить здесь таинственного участия высших, благодетельных сил. Скажут, что тут действует единый над всем Промысл Всевышнего. Совершенно справедливо; против этого никто и спорить не станет. Но если Бог, как говорилось выше, где только можно промышляет об одном через посредство другого, то почему не заключить, что различные, видимо ниспосылаемые с Неба благодеяния обществам людей совершаются через таинственное посредство и содействие Ангелов-Хранителей, особенно когда нам известно из Св. Истории, что Ангелы не только таинственно, невидимо, но и открыто для всех являли свое участие в положении человеческих обществ? Нам известно, например, что Ангел Божий охранял народ израильский от воинства египетского (Исх. 14, 19); в другое время Ангел избил сто восемьдесят пять тысяч враждебных ассириян под стенами Иерусалима (4 Цар. 19, 35). Кто этот Ангел? Ничто не препятствует нам думать, что это не кто иной, как Ангел-Хранитель народа еврейского. Следственно, и в опыте скорее можно найти подтверждение, чем опровержение учения Православной Церкви об Ангелах-Хранителях человеческих обществ.

Есть и другие возражения против этого во многих отношениях столь утешительного и назидательного для нас учения, но все эти возражения таковы, что неосновательность их с первого взгляда открывается всякому. Такие возражения доказывают только то, что люди, своевольно уклонившиеся с прямого пути веры, готовы воспользоваться всяким самым ничтожным предлогом, чтобы только не идти по этому пути и оправдать свои кривые толки.

Василий Чубинский. Ангелы-Хранители человеческих обществ. М., 1842

Высказывания святых отцов об Ангелах

Святые отцы и пастыри Древней Церкви не только учили, что действительно есть Ангелы, но, по возможности, излагали это учение даже в подробностях.

Свт. Григорий Богослов высказывает такие мысли:

«Ангелы свободно ходят вокруг Великого Престола – и усердно служат высоким велениям Бога. У них нет ни супружества, ни скорбей, их не разделяют друг от друга ни члены, ни обители. Они все единомысленны, и каждый тождествен сам собой: одно естество, одна мысль, одна любовь – вокруг великого Царя Бога. Они не ищут утешения ни в детях, ни в супругах, ни в том, чтобы для них нести сладостные труды. Не вожделенно им богатство, не вожделенны и те помышления на злое, какие смертным приносит земля. Они не плавают по морям, не сеют в угождение необузданному чреву, этому исходищу греха. У них одна совершеннейшая пища – насыщать ум величием Божиим и в Светлой Троице черпать безмерный свет. Одинокую жизнь проводят эти чистые служители чистого Бога. Они просты, духовны, проникнуты светом, не от плоти ведут начало и не обретают плоти, но пребывают какими созданы. Для них в девстве уготован путь Богоподобия, ведущий к Богу, согласный с намерениями Бессмертного, Который премудро правит кормилом великого мира».

«Они (Ангелы) так выразили и запечатлели в себе благо, что сделались вторичными светами и, посредством излияний и передачи первого Света, могут просвещать других. Служители Божией воли, они сильны как по своей естественной, так и по приобретенной крепости, всё обходят, всем и везде с готовностью предстают – по усердию к служению и по легкости естества».

«Из них одни предстоят Великому Богу, другие своим содействием поддерживают целый мир, и каждому дано особое начальство от Царя иметь под надзором людей, города и целые народы...»

«Представь, – говорит **св. Кирилл Иерусалимский**, – как многочислен народ римский; представь, как многочисленны другие народы грубые, ныне существующие, и сколько их умерло за сто лет; представь, сколько погребено за тысячу лет; представь людей, начиная от Адама до настоящего дня: велико множество их. Но оно еще мало в сравнении с Ангелами, которых более! Их – девяносто девять овец, а род человеческий есть одна только овца. По обширности места должно судить и о многочисленности обитателей. Населяемая нами земля есть как бы некоторая точка, находящаяся в средоточии Неба, поэтому окружающее ее Небо столь же большее имеет число обитателей, сколько больше пространство; небеса небес содержат их необъятное число. Если написано, что «тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним», то это только потому, что большего числа пророк выразить не мог».

«Она (душа) поддерживается святыми Ангелами в шествии по воздуху и, возвышаясь, встречает мытарства, которые стерегут восход, удерживают и останавливают души восходящие».

Вот что говорит об Ангелах-Хранителях **святитель Иоанн Златоуст**: «Бог сотворил Ангелов и Архангелов сразу всех одновременно, а их так много, что они превосходят всякое число». «Ангелы – обособленные формы, вынутые из потока времени».

«Как в ясный полдень небо представляется чистым, не затмеваясь никаким облаком, так и природа Ангелов необходимо пребывает светлою и блистательною, не омрачаясь никакой похотью. Прославлять Ангелов – наш долг. Они, воспевая Творца, обнаруживают милость Его и благорасположение к людям. Ангелы не только защищают, но и руководят верующих, чтобы не преткнулись».

«Есть Ангелы и Архангелы, Престолы, Господства, Начала и Власти; но не одни эти сонмы существуют на Небесах, а бесконечные полчища и неисчислимые племена, которых

не может изобразить никакое слово. Служение Ангелов состоит в том, что они всюду посылаются для нас. Бог повелел, чтобы высшие Силы служили пребывающему долу по причине достоинства образа, которым облечен человек. Подобно тому, как все светила Бог сотворил зараз, так и Ангелов и Архангелов Он сотворил зараз, а их так много, что они превосходят всякое число».

А **святой Нил**, ученик святителя Иоанна Златоуста, добавляет: «Знай, что святые Ангелы возбуждают нас к молитве и стоят с нами на ней, радуясь и вместе молясь о нас». «Ангелы всюду присутствуют и особенно в доме Божиим предостоят Царю, и все исполнено этими бесплотными силами».

Св. Василий Великий: «К каждому из верных приставлен Ангел, достойный того, чтобы видеть Отца небесного»; и в другом месте: «С каждым из верных есть Ангел, который, как детоводитель и пастырь, управляет его жизнью, против сего никто не будет спорить, помня слова Господа, сказавшего: «не призрите единого от малых сих, яко Ангели их выну да видят лице Отца моего Небесного» (Мф. 18, 10). «Ранее бытия мира было некоторое состояние, приличное горним силам, превысшее времени, высшее, присносущное, и в нем Творец и зиждитель всего создал разумные и невидимые существа и весь космос умопостигаемых творений».

«Ангелам, которые не имеют никакого покрова, подобного нашей плоти, ничто не препятствует непрестанно взирать на лицо славы Божией. Ангелы не претерпевают изменения. Нет между Ангелами ни отрока, ни юноши, ни старца, они остаются в том состоянии, в каком сотворены вначале, и состав их сохраняется чистым и неизменным».

«Если имеешь в душе дела, достойные ангельского хранения, и ум твой обогащен познанием истины, за добродетели Бог неизбежно приставит к тебе стражей и хранителей и оградит тебя Ангелами. Смотри же, какова природа Ангелов! Один Ангел равняется целому воинству и многочисленному ополчению. Итак, в величии твоего хранителя Господь дарует тебе ополчение, а в крепости Ангела как бы ограждает тебя отовсюду его защитой. Ангел не отступит от всех уверовавших в Господа, если только не отгоним его сами плохими делами. Как пчел отгоняет дым и голубей смрад, так и хранителя нашей жизни, Ангела, отдаляет прискорбный и смердящий грех... Поскольку святого Ангела, ополчающегося вокруг боящихся Господа, имеет каждый из нас, то грехи могут стать причиной бедствия: нас перестанет закрывать стена, то есть святые силы, которые делают людей непобедимыми, пока пребывают с ними».

«Занятие Ангелов – славословить Бога. Для всего небесного Воинства одно дело – воссылать славу Создателю. Служебные духи имеют бытие по воле Отца, приводятся в бытие действием Сына и совершаются в бытии присутствием Духа. Совершение же Ангелов – святыня и пребывание в святыне. Ангелы не терпят изменения. Нет между Ангелами ни отрока, ни юноши, ни старца, но в каком состоянии сотворены вначале, в том они и остаются, и состав их сохраняется чистым и неизменным. Небесные Силы не по природе святые, иначе они не имели бы никакой разности со Святым Духом. Напротив того, они по мере превосходства одних пред другими имеют от Духа известную меру святыни. Как в понятие пожигания входит понятие огня, однако же иное есть пожигаемое вещество и иное есть огонь, так и в Небесных Силах... сущность их составляет воздушный, если можно так сказать, дух, или невещественный огонь, по написанному: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь (Евр. 1, 7), почему они ограничены местом и бывают видимы, являясь святым в образе собственных своих тел; но Святыня, будучи вне сущности, дает им совершенство чрез общение Духа. Сохраняют же достоинство свое пребыванием в добре, как имеющие свободу в избрании и никогда не теряющие непрестанного стремления к истинному благу. Посему, если отнимем мысленно Духа, расстроятся ангельские лики, истребятся архангельские начальства, все придет в смешение...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.